

ЮРИЙ НИКИТИН

Кистепёры

Юрий Александрович Никитин

Кистепёры

Серия «Никитин»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69446608

Кистепёры:

ISBN 978-5-04-189947-9

Аннотация

Знаменитый Юрий Никитин – о близком будущем и пугающих перспективах технологического прогресса.

Один из самых популярных российских фантастов. Автор прославленного славянского фэнтези «Трое из Леса».

Работал литейщиком и геологоразведчиком на Крайнем Севере. Окончил Высшие Литературные курсы Московского Литературного института. С 1976 года написал 157 официально изданных романов. Много работать, быстро писать новые книги и удивлять читателей неожиданными идеями – необходимо и естественно для Юрия Никитина.

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 5	50
Глава 6	59
Глава 7	67
Глава 8	76
Глава 9	83
Глава 10	94
Глава 11	100
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Юрий Никитин

Кистепёры

Часть I

Глава 1

В любой компашке, даже самой случайной, сразу находят-ся лидер, смешила и один-два любителя готовить шашлыки. Остальные покорно садятся, куда укажут, ждут, а участвуют в бурной деятельности ввиду интеллигентной зажатости по принципу «подай-поднеси».

Я тоже из таких, сразу устроился в шезлонге, приехали отдыхать, зато Грандэ и Лысенко развили кипучую деятельность, почти бегом принесли из дома в бумажном мешке древесный уголь, а Блондинка и Горпина уже весело и с шуточками режут на большой разделочной доске мясо на ломтики, насаживают на металлические шампуры, перемежая дольками лука.

Мангал по старинке в виде неглубокого рва в земле, хотя в продаже давно уже простые и недорогие из металла, удобные и эргономичные, но то ли руки не доходят, то ли нет смысла, если собираемся раз в году, да и то с каждым годом

нас всё меньше и мы всё ближе к вопросу: «А он ещё жив?»

Лукулл говорил, что отдых – это смена блюд, вот Грандэ и даже Лысенко сменили зал машинных расчётов на это вот шашлыкотворчество. Лица выглядят куда вдохновеннее, чем на работе, здесь настоящая жизнь, выкованная в горниле тысячелетий, начиная с докаменного века, а мы всё те же кроманьонцы и даже питекантропусы.

С Невдалым, именинником, знакомы лет двадцать, но последние десять встречались только на его днях рождения. Есть люди милые и приятные, но нет необходимости общаться часто, а вот так, раз в год, поговорить и обменяться новостями, посмотреть, кто потолстел, кто сбросил вес, спросить, почему на этот раз без жены, самое то.

Сам он математик от бога, в его черепе головоломные конструкции, мог бы взойти на вершины научного Олимпа, но начисто лишён страсти продвинуться в карьерном росте. В норке просто здорово, слоны не затопчут, жалование при скромных запросах вполне, работа и вообще всё в мире в порядке.

Но я уже знаю, что бо́льшая часть его жизни не в этом мире, а в «Конане-2», где у него развитое хозяйство, а то и замок с кучей слуг, а по дому хлопочет сама Аня Межелайтис.

Места для шезлонгов самое то, прекрасный вид на уютный домик и на площадку с мангалом и длинным столом с вином и закусками. Над шашлыками колдуют Дима Лысенко, самый молодой в нашей команде, и Грандэ, самый

старый, он даже старше меня на полгода, хотя выглядит вообще столетним, но наверняка переживёт, мелкий и худой, а я крупный и тяжёлый, таких среди долгожителей не бывает.

Всех нас, таких разных, объединяет общая работа, даже Грандэ, хотя он редко бывает в офисе, всё на удалёнке, на удалёнке, но ввиду возраста прощаются многие чудачества.

А ещё из шезлонга хорошо смотреть на деловито хлопочущих Горпину и Блондинку. Горпина моложе даже Лысенкова, вся в расцвете, румянец на всю щёку, красиво обрисованные под полупрозрачной маечкой вторичные половые, крупные пунцовые губы, вся так налита здоровьем, что вот-вот брызнет сладким зовущим соком, от которого мужчины сходят с ума, и начинается этот самый человеческий фактор, хотя я бы назвал его иначе.

Духами вроде бы не пользуется, но её аура женственности пробуждает все древние инстинкты, а вот Блондинка вся за естественность, ни духов, ни украшений, а сама подчёркнуто деловая и только о деле, только о деле, хотя, возможно, это только в нашем мужском коллективе.

Я вздрогнул, когда на запястье мелко задёргался фитнес-браслет, мигнул красный огонёк. Я бросил опасливый взгляд по сторонам, сказал едва слышно:

– Добрый день, Андрей Петрович. Случилось что?

На крохотном экранчике появилось улыбающееся лицо моего участкового врача, я вообще не помню его неулыбающимся, приятный такой человек, даже приятный во всех от-

ношениях, как говаривал ехидный Гоголь.

– У меня о'кей, – ответил он бодро, – а вот у вас траблы. Как сердце?

– Пока норм, – сообщил я осторожно.

– Не норм давно, – возразил он, – а сейчас и вовсе. Хотя пара лет у вас в запасе, если не волноваться, соблюдать режим, спать по семь-восемь часов, питаться растительной пищей и принимать лекарства по списку, что сейчас добавлю вам в файл.

Я взглянул с подозрением на экран, там вместо его лица величественно и с шуршанием страниц развернулся лист с устрашающей шапкой от Минздрава.

– Что-то многовато...

– У Курцвейла больше, – сказал он утешающе. – Привыкнете. Возраст, батенька, приходит ко всем. Даже к миллиардерам, а у них возможности побольше ваших! Но мрут и они. У ваших ровесников тесно от лекарств на прикроватной тумбочке. А вы орёл, если только ривароксабан и ещё там по мелочи... Но дозу пора, пора... Два с половиной уже маловато, начинайте по пять. Сосуды скажут спасибо.

– А печень?

Вместо списка с лекарствами снова появилось улыбающееся лицо.

– У печени, – пояснил он оптимистически, – пока запас, вытерпит. Живите, ещё нет нужды в срочной операции. Счастливо!

Улыбнулся ещё шире, экран погас, только улыбка, как у чеширского кота, ещё некоторое время висела, как тридцатилетняя реклама здорового образа жизни.

Я слабо дёрнулся. Что значит «нет нужды в срочной»?.. А несрочные уже на пороге?.. Датчики на руках и шее что-то совсем охамели, правду выдают, нет бы тоже успокоительные фейки, как везде в этом сумасшедшем мире.

Сердце, как подслушивает, внезапно сжалось, остро кольнуло под лопаткой. Я задержал дыхание и, стараясь делать это незаметно, помассировал левую сторону груди.

Не стихло, но прилив крови сработал, из острой перешло в тупую ноющую. Я сделал пробный вдох, мелкий и неглубокий, прошло, задышал чаще, стараясь не перейти черту, за которой ударит с новой силой.

В нашей компании большинство молодёжь, хотя и не совсем, но когда разница в десяток и больше лет, то да, ещё пороха не нюхали.

Впрочем, даже Дима Лысенко, несмотря на крайнюю молодость, активный участник борьбы за вечную жизнь и пренебрежительное старение, всё свободное время в агитации за то, чтобы правительства всех стран обратили наконец-то внимание, что все умрём, если не предпримем срочных мер.

Остальным тоже хотелось бы жить вечно, но никто пальцем не шелохнёт, чтобы устраивать митинги, шествия, выдвигать требования к правительству выделить больше денег центрам, занимающимся проблемами продления жизни.

Века, даже тысячелетия культивировались презрение к смерти и достойная гибель в бою, сейчас всё ещё постыдно говорить, что не хочешь и даже боишься умирать, мы все конформисты.

Боль в груди постепенно рассасывается, словно расплзается по всему телу. Я наконец-то вдохнул всей грудью, не кольнуло, всё в порядке, и ощутил, что панические мысли начали испаряться, дескать, посмотри, как красиво смотрятся нанизанные на шампур ломтики жареного мяса, будто крупные рубины в короне султана, а Лысенко уже разливает шампанское в тонкостенные фужеры. Золотистое вино играет, искрится, сотни серебряных пузырьков ринулись к поверхности, стараясь обогнать друг друга.

Подошёл и тяжело опустился в соседний шезлонг Невдалый, грузный и волосатый, борода, как у Карла Маркса, я сначала всякий раз вспоминал Герберта Уэллса, что с нескрываемым раздражением говорил о холёной чаще волос создателя «Капитала», потом вспомнил, некоторые запускают бороды либо как Грей, что укрывает горло от частых ангин, либо скрывают изуродованные челюсти, а все остальные просто ленивые дураки, бриться им лень, тяжело и дорого.

Невдалый не ленив, просто импозантен, часто чудится, что вытащит из верхнего кармана жилета толстые часы с выпуклой крышкой, щёлкнет ею, а там с галактической неспешностью двигаются две механические стрелки, и скажет важ-

но, что пора велеть прислуге подать откусывать крошку, а ещё графин с домашней настойкой для услаждения телесности.

В остальном полностью соответствует фамилии. Наши фирмы в одном здании, все друг о друге знаем, даже то, что у него всё валится из рук, работу делает через афедрон. Спасает лишь нестандартное мышление, в любом брейнсторминге сумеет вбросить пару перспективных идей, а баги замечает сразу, едва взглянет на огромное поле с сеткой сложнейших формул.

Странный выверт мозговой деятельности, как у некоторых аутистов, что не могут шнурки завязать, но считают на уровне суперкомпьютеров. Правда, Невдалый нормальный самец, хотя интеллигентен по самое не могу, аутисты такими не бывают, для меня он что-то вроде супермодели, ни на что не пригодны, смотришь на них и думаешь: а на хрена?

– Отдыхаем? – спросил он из глубины шезлонга с полотняным днищем. – Что-то и мне это уже афедронно.

– Что? – уточнил я, стараясь, чтобы сдавленный болью голос звучал нормально.

– Да эти шашлыки, – пояснил он. – Как дикари какие-то. Традиция каменного века?.. И боимся вякнуть, что херня это. Как будто признаёмся, что импотенты.

Я покосился на него с интересом. Похоже, тоже вошёл в возраст, запросы которого не поймут существа помоложе. Сейчас им кажется, что и в семьдесят лет будут болеть за

«Спартак», обожать Аню Межелайтис и вообще останутся теми же, что и сейчас, только прибавится годков.

Не-е-ет, начинает понимать или пока что просто чувствовать, что всё не так, как на самом деле. Становимся другими, но объяснить не можем, нет терминов, можем только мямлить ненавистное молодёжи: «Вот доживёшь до моих годов...»

– Как поживает ваша «И вечная весна»? – поинтересовался я. – Не готов перейти к нам на полную ставку?

Он ответил вяло и с неохотой:

– У нас тихо, а жалованье норм. Я же ни в какие Турции летом не прыгаю, у меня свой замок во втором «Конане».

Я покосился с интересом.

– Баймишь в такое старьё?... Хотя, конечно, в своё время это было нечто. Почти как первый, хотя на сиквелы принято поплёвывать свысока. Ностальгия мучит?

Он покачал головой.

– Да нет, другое. Есть и поностальгичнее... Просто в этой я фактически один. За полгода только двух видел, пробежали вдаль, меня вряд ли даже заметили.

Я сказал с удивлением:

– Тогда какой смысл фирме держать сервер?

Он посмотрел с интересом.

– Для меня никто держать не станет, я не миллиардер с причудами. Просто первые полста левлов все проскакивают быстро, а потом группируются в землях, которые для ме-

ня пока недоступны. А я не спешу. Видишь ли, впервые играю без доната.

Я предложил дружески:

– Деньжат подкинуть?

Он поморщился.

– Да иди ты. Донат пустяковый, а я раньше сам знаешь какие суммы вкладывал... Можно было шикарную квартиру купить в Москве в районе Бульварного!.. Но тогда был молод, стремился к победам, а для этого шмот хайлевлa и всё такое. Любил драться, постоянно собирал команду и делал набеги на сёла и даже города.

Я переспросил:

– А теперь?

Он двинул плечами.

– То ли постарел, то ли переел... В общем, просто играю, наслаждаюсь процессом. Впервые вижу графон, те красоты, что дизайнеры вытютюливали для нас. Представь себе, даже читаю задания, а не просто кликаю и бегу по указанному адресу! А там знаешь какие красивые истории разворачиваются... Хорошие авторы старались.

– Но по левлам идёшь? – уточнил я.

– Неспешно, – сообщил он. – Во-первых, наделал твинков для сбора ресов. Даже сливаю левлы, чтобы дроп не уменьшался. Освоил профы кузнеца, портного, оружейника, даже аптекаря!.. Удлиняет процесс, но куда спешить? Зато, сам знаешь, сделанное своими руками всегда лучше купленного

в магазине или даже подобранного. И поднимаюсь по левлам хоть и очень неспешно, зато с лёгкостью.

– Ещё бы, – согласился я. – Когда свои доспехи, бижа и оружие, враг не устоит, понятно.

Он взглянул с вопросом в глазах, но увидел, что я серьёзно, скрафченное оружие да ещё заточенное по самое не могу всегда лучше купленного или выбитого.

– Ты как?

Я чуть помедлил с ответом, не всё ещё готово, раскрывать карты рано, сказал осторожно:

– Я играл ещё с диггеров, потом сам начал мастерить, когда-то можно было одному, а теперь у меня фирма, как ты наверняка знаешь. Пробавляемся по мелочи. Сами делаем игрушки. Не баймы, а так, по мелочи. Для смартфонов.

Он взглянул остро.

– Только не говори, что и будешь... пробавляться. Ты всегда был тихим, но амбициозным, как Ганнибал.

Я ответил вяло:

– Поздно. Возраст.

– Делать байму, – напомнил он, – это не гириями жонглировать. Важнее опыт и понимание, куда плыть: по течению, против течения или куда тебе надо. А ты всегда как-то угадывал, где, что и как!... Даже войну в Средней Азии тютелька в тютельку!...

От мангала в нашу сторону повернулась Горпина, покрасневшая и пышногрудая, покричала звонко и весело:

– Мальчики, первая партия готова!..

Я сказал:

– Крикни, подойдём ко второй.

– Ленивец, – буркнул он и, повернув голову, проревел мощно: – Горпя, первую молодым и голодным!.. А мы уже старые...

– Мы не старые, – возразил я. – Просто... устатые. И шашлыки у нас не первые.

– Уже всё не первое, – ответил он с тяжестью в голосе. – Грустно? Зато знаем всё наперёд. Жить скучнее, но безопаснее.

Глава 2

Подошли и возлегли в шезлонги поблизости Грандэ и Дима Лысенко, неразлучная пара, что не только мне напоминают гнома и огра. Грандэ – старый и жёлчный, худой и сгорбленный, в больших роговых очках в массивной оправе, хотя теперь лазерная коррекция зрения занимает от силы десять минут, то ли ретроград, то ли своеобразный вызов, даже галстук носит кому-то в пику, злопамятный гад.

Лысенко – спортивного вида моложавый гигант, весь в мускулатуре, типичный неандерталец, естественно, дизайнер, как все потомки неандертальцев, но на удивление достаточно способный математик со склонностью к программированию, хотя и очень хаотичный, но это, как заявил он с апломбом, свойственно только высокоодарённым артистичным натурам.

Я лишь повёл в их сторону взглядом, оба в моей фирме, поговорить и там можем, а сейчас просто вот так на солнце, распустив все оставшиеся мышцы и чуть ли не вывалив язык, хорошо.

К запахам цветущего сада начал примешиваться дразнящий аромат жареного мяса. Первым его учуял Невдалый, шумно потянул воздух, раздувая и без того широкие, как у гориллы, ноздри, довольно заулыбался.

– Хорошо-то как...

– Хорошо, – согласился и Грандэ расслабленным голосом, – даже очень даже как бы вот непривычно. То ли дождь будет, то ли снова спад в экономике.

– Не каркай, – сказал Лысенко, он разлѣгся справа от меня, весь из себя усталый и расслабленный, даже глазные яблоки прикрыл плотными шторками век, отсекая лишнюю информацию, человек почти всю получает через зрение, а на остальные органы остаются жалкие проценты. – Приятно почувствовать себя частью природы.

Грандэ сделал вид, что опасноливо отодвигается.

– Только не покусай, – предупредил он, – часть природы. Человек существо кусачее и драчливое.

Лысенко прогудел ленивым голосом и не открывая глаз:

– Ну кусну раз-другой, что с того? Я ж не крокоидол.

– А то, – ответил Грандэ назидательно, – что я тоже часть природы. Весьма слабо сдерживаемая узами морали и воспитания, что уже почти совсем растаяли в нашем прогрессирующем мире. Мне только дай повод законно зарезать ближнего... Или так, чтобы никто не увидел. Мир бодро и с песней прѣт к апокалипсису.

Невдалый живо откликнулся:

– Это точно! Поговорим про апокалипсис?

Далеко у стола с шашлыками Блондинка повернулась в нашу сторону, весѣлая и с покрасневшими щеками.

– Мальчики, не задирайтесь!..

Грандэ усомнился:

– Ей слышно?

– У женщин чутьё, – пояснил я.

– Здорово, – сказал Грандэ язвительно, – скилы урезаны, зато чутьё апгрейдено. Хотел бы, чтоб у меня так с кварковыми уравнениями четвёртого уровня.

Я кивнул в сторону Невдалого:

– Это к нему. Он и сам не знает, как у него всё сходится.

Невдалый зевнул, но ответом не удостоил, лежит как большой толстый тюлень, хоть и волосатый. Ещё полчаса на солнце, и начнёт расплываться под жаркими лучами, будто медуза на берегу.

– Потому что оптимист, – предположил Лысенко. – Оптимисты все толстые.

Невдалый лениво смерил Лысенко взглядом с головы до ног.

– Почему если оптимист, то обязательно не совсем... мудрый?.. Что в оптимизме дураковатого?.. А вот нытик такой мудрый, такой мудрый, даже в профиль! Всегда сомневается, будто Карл Маркс, потому и смотрится величаво и президентно.

Лысенко сказал миролюбиво:

– Да и похож на Карла Маркса больше, чем ты, только что худой и лысый. А мы пессимисты? Шеф, ваше веское слово?

Я с кряхтением начал вылезать из шезлонга.

– Битые оптимисты. Это значит... ну, понятно... А шашлычки, судя по запаху, уже и вторая партия вполне так. Надо

идти и есть. Через не хочу.

– Шашлыки как жизнь, – сказал Невдалый мудро, – хотя и непохоже.

Грандэ сказал живо:

– Надо, так надо... А то там Минчин, он хозяйственный, умеет жрать в запас, как сто хомяков в начале осени. Нам одни шампуры останутся.

Мясо, конечно, жёсткое, если сравнивать с приготовленным на примитивной сковороде, не говоря уже о специализированных, с плотно подогнанными крышками и снабжённых таймерами и контролем нагрева. Однако раньше иного не было, помню, шампуры с ломтиками мяса всегда располагали прямо в канавке над углями, готовка считалась чисто мужским занятием, кастрюль и сковородок охотники на мамонтов с собой не носили.

Прожарилось сейчас тоже неровно, где-то подгорело, где-то почти полусырое, но все едят как бы с удовольствием, нахваливают, все мы лицемеры чёртовы.

Минчин, наш премудрый пескарь, разлил по пластмассовым стаканчикам вино, самодельное, а то магазинное сплошная химия, а это от соседа, сам всё выращивает и делает. Сейчас снова в тренде натуральная картошка с огорода, своя морковка и вообще всё, что можно вырастить вокруг дома и гордиться, что не только химия, но и ГМО не ночевало, хотя вообще-то ГМО – это нужно и правильно, а вот химию пока что не реабилитировали.

Мысли текут медленные и ленивые, патока, а не мысли, что обычно в постоянном суетливом поиске кормового участка побольше и погуще.

Грандэ и Лысенко в сторонке от костра, уже снова в шезлонгах, вроде бы отдыхают и наслаждаются величественным закатом солнца, устроенным для них Господом. Красочнейшее зрелище, половина неба объята галактическим пожаром, однако у обоих мимика какая-то застывшая.

Как-то быстро успели сожрать свои порции, словно веганы... ах да, у обоих контактные линзы с дополненной реальностью, последний писк придушенной моды, явно гады и здесь прогоняют перед глазами код нашего сорокового по счёту движка, высматривают, как оптимизировать взаимодействие с трассировкой, над которым работает отдельная группа на удалёнке.

Минчин честно занят шашлыками, да и нет у него линз, для виртуалки по старинке пользуется очками, а сейчас снял и сунул в рюкзак, чтобы даже призывной нявк не слышать.

Невдалый с кряхтением присел рядом на корточках, с интересом покосился на шампур в моих руках с ломтями прожаренного мяса.

– Хороший размерчик! Гаргантюа бы одобрил. Печень не возражает?

– Это ж не каждый день, – напомнил я. – Да и вообще... Переходом на траву добавлю пару месяцев жизни, но стоит ли?..

Он вздохнул.

– Если бы отказ от мяса добавил лет пятьсот, я бы тоже с этой секунды сел на подножный корм.

Он поднялся с трудом, опираясь на колени, Горпина передала ему стальной прут с мощно пахнущими ломтиками мяса, улыбнулась мне, я уже половину слопал, можно расценивать как комплимент и её работе хотя бы в подготовке шампуров к мангалу.

Я смотрел, как он с наслаждением вонзил зубы в сочный ломоть, потянул шампур в сторону, оставляя мясо в зубах, бодро скрежетнуло металлокерамическими зубами по стали.

– Хорошо, – прорычал он.

Я ем почти цивилизованно, а у него толстые губы сразу заблестели от жира, часто и с удовольствием облизывает их красным горячим языком, мясо пожирает мясо, что делать, мы мясоядные, веганы создавать цивилизации не в состоянии, при победе веганства мы бы ходили с длинными шипастыми хвостами и звались динозаврами.

– Борода жевать не мешает? – поинтересовался я.

– С чего бы? – буркнул он.

Я смолчал, та задумка, что зреет во мне последние годы, вроде бы вызрела и окуклилась, вот-вот прорвёт кокон и начнёт рваться наружу, а ей очень бы пригодился этот хаотичный гений, ему по фигу свои уникальные способности, но не по фигу мне, умелому эксплуататору баймоделов.

Хотя зря я морщу нос, шашлыки удались, не первый год

готовим, хорошо прожаренные, но сочные, края не так уж везде обуглились, как бывает у новичков, ну разве что у пары ломтиков лука, пахнут одуряюще, несёт добротным жаром, что войдёт в наши тела и растечётся по всему организму, наполняя силой, бодростью и желанием перевернуть мир.

Мы не подростки, чтобы лопать на корточках, потом подниматься ох как тяжело, с шампунями в руках вернулись к шезлонгам, благо почти рядом.

Грандэ устроился от меня справа, жрёт со смачным чавканьем, слева Лысенко, этот не жрёт, а кушает совершенно беззвучно и соблюдает манеры в стиле тургеневских девушек, красивый такой и мощно сложенный нордический гигант, спокойный и всегда довольный жизнью, коллегами, соседями и политикой, какой бы она ни была.

Я покосился на Грандэ, чавкает как будто нарочно, хотя, может быть, просто демократ, те кладут на все манеры и приличия, свобода по-над усё, оба ещё молодые, Грандэ по духу, Лысенко по плоти, ещё с верой в светлое будущее. Это я, размагниченный интеллигент без веры и ориентиров, стар, мудр, осторожен, с облетевшими жухлыми листьями юношеских идеалов, пресен и скучен. С возрастом человек всё осторожнее, рисковать не любит, потому меня в своё время и выдвинули на пост директора фирмы, а уже потом обособились и создали свою по производству мелких компьютерных игр для мобильных, планшетов и слабых компов.

Ага, знали бы, что в моём возрасте терять нечего, можно

на такое решиться, что и на голову не налезет, вряд ли бы предложили возглавить даже вывоз мусора...

Из женщин в нашей компании только Света, все зовут её Блондинкой по нику на форуме, и Горпина, наш незаменимый дизайнер сеттинга. Собиралась ещё Валентина, но что-то в последний момент помешало. Грандэ с язвительностью предположил насчёт ревности, её муж странноват, как будто в наше время это явление ещё существует, в эпоху победной сингловости с остатками компромиссных форм в виде гостевых браков, недельных, выходных, купированных, аморфных и прочих дизайнерских вывертов с сорока гендерами.

На меня пала тень, я скосил глаза, это подошла Горпина, смотрит с интересом.

– Впервые вижу шефа в таком виде, – сказала она весело. – Без рубашки, в трусах.

– Это шорты, – ответил я. – А без рубашки... В моём возрасте уже не стесняются впуклой груди.

– Да нормальная она у вас, – сообщила она. – У всех итэ-эровцев мощно выпуклая только спина. Так это и есть ваша личная жизнь?

– А что? – спросил я в ответ. – Тяжёлая работа – сама по себе награда, как говорил один знакомый гном.

Она склонилась ко мне, пахло ароматом шашлыков и чего-то вроде духов, но это не духи, а, как понимаю, её мощно работающие феромоны.

Я с удовольствием смотрел на её красиво нарисованные

брови, чтобы не слишком уж пялиться на крупную грудь в майке с таким низким вырезом, что вижу алые края, и эта грудь нависает над моим лицом.

– А как же все остальное, – спросила она, – отношения, к примеру?

Я ответил с неохотой:

– Сложная тема. Отношения энпээсов и баймеров всегда вызывали траблы. И багов там больше всего.

Она присела на корточки, переспросила в недоумении:

– Энпээсов?.. Чё, правда?.. Я думала, бегают себе боты и бегают, какое до них дело? А вот безтаргетная система...

– И там есть подводные камни, – согласился я. – Ты новенькая, всех сложностей не знаешь. Но нам повезло, всему коллективу работа нравится, это не просто средство пропитания. И все наши такие сдвинутые, потому жрём шашлычки и ждём, когда всё овер. А там поспать, чтоб побыстрее утро. И в лямку! Как бурлаки на Волге.

Она посмотрела в изумлении.

– Да уже заметила так много сумасшедших в одном месте.

– Соболезную, – ответил я.

– Да что вы, – охнула она. – Мне вас так жаль!.. Нельзя же всё время работать!

– Нельзя, – согласился я с сожалением. – Наши биологические организмы против. У них свои пещерные запросы.

Она игриво улыбнулась.

– Ну наконец-то вы это сказали. А то уж думаю, такой вид-

ный мужчина, а всё ещё даже не намекнул на эти мужские запросы. Всё-таки мы на отдыхе.

– Отдых, – согласился я, – великое дело. И, к сожалению, нужное. И шашлычки эти... Не только для желудка, нервную сеть ещё как лечат, та за сто тысяч лет к шашлычкам больше привыкла, чем...

Она легко поднялась на ноги, цветущая, весёлая, тонкая в поясе, с крупными вторичными признаками. Юбка из чего-то полупрозрачного вроде кисеи игриво обрисовывает слегка выступающий яйцеклад, зрелый и бросающийся в глаза, как главное в организме самки, ради которого и рождена.

– Хозяин поставил на втором этаже новую кровать из «Икейна», – сообщила она деловито. – Посмотрим, что за фирма появилась на рынке?

Я запнулся с ответом, в моём возрасте этим скучноватым делом уже не занимаются, принято считать, что с выходом на пенсию все мужчины с облегчением сбрасывают не только обязанности по работе, но и все остальные, но люди в возрасте уже знают, что и эта возможность на самом деле сохраняется дольше, чем думают более молодые, просто уже сами начинаем увиливать от этого так называемого долга.

– Посмотрим, – ответил я, сдерживая вздох. – Попробуем программу откатать всю.

Вообще-то я застал ещё время, когда инициатива всегда исходила только от мужчин, а приличная женщина должна лечь на спину и помалкивать, разве что ноги раздвинуть, всё

остальное в этом занятии наше, потому нынешние отношения между полами что-то вроде работы за скудную плату, слишком много обязанностей, а премия не так уж, чтобы стоило выкладываться.

Она вроде бы осталась довольна или прикинулась, их не поймёшь, да и кому это теперь важно, прошлёпала босыми ступнями в душевую, а я натянул шорты и спустился с крыльца к костру.

Вечер тихий, небо сравнительно чистое, так что звёзд высыпало немерено, как говорят в народе, хотя их больше за срок существования человечества не стало, но всё равно звёзд то много, то мало, а солнце всходит и заходит.

Наша компашка, кто в шезлонге, кто на скамеечке у мангала, продолжают ленивые беседы, перебрасываются репликами, просто наслаждаются таким редким покоем и почти забытым чувством сопричастности с природой.

Грандэ и Лысенко устроились в шезлонгах справа и слева от меня, я же шеф, лежат умиротворённые, как сытые тюлени на Камчатке, но Блондинка пошептала с Лысенко, и ушли в дом, после шашлыков организмам срочно возжелалось повязаться, при демократии сдерживать себя моветонно, а когда вернулись, Грандэ и Невдалый заявили, что их тоже нужно разгрузить, а так как здесь только двое самок...

Она хихикнула и увела обоих, но вернулись достаточно скоро, у костра всё-таки интереснее, а после разгрузки в доме делать нечего, не в телевизор же смотреть, демократия

там оставила только клоунов с той стороны экрана и полных идиотов с этой.

Мне в старом продавленном шезлонге хорошо и уютно, подошли Грандэ и тихий незаметный Минчин. Грандэ молча и не глядя в мою сторону сел в свободное кресло, а потом и вовсе лёг, уже в коротких шортах и без рубашки, худой и костлявый, как реклама вегетарианства.

Лысенко лениво потянулся, ткань под его носорожьим весом прогнулась до самой земли.

– Природе хорошо, – пробормотал Грандэ скрипучим голосом, но как-то непривычно умиротворённо, – и нам тоже. А вот когда давление у неё скачет...

– Пусть скачет, – проговорил Лысенко мужественным баритоном командующего войсками, – плохо то, что всё мы в этом бульоне плаваем и тоже поневоле то спим, то скачем.

«Куда денешься, – подумал я вяло, – планета укутана атмосферой, как тёплым одеялком, а в ней все-все, от бактерий до слонов и гигантов мысли, плавает, как взвешенный раствор, чутко откликается на любое изменения давления, температуры и вообще на всё».

Невдалый выбрал место рядом с Лысенко, зевнул и сладко потянулся в шезлонге, но суставы хрустнули сухо и предостерегающе, словно и ему уже за семьдесят.

Он нахмурился, перетащил своё устройство для возлежания ближе ко мне, лёг и сказал успокаивающим голосом:

– Брось... Сейчас хорошо, верно?.. Чувствуй. Или уже со-

всем разучился?.. Это же так волнительно, будто почвенники в самом деле в чём-то не совсем дураки набитые, хотя, конечно, дураки. Набитые. И круглые, как колёса «КамАЗа».

– Как у детского велосипедика, – уточнил Грандэ. – До камазовских расти и расти.

Я помалкивал, странная прелесть в таком нелепом занятии. Первобытные люди у костра, справа тянет тем особым ароматом, что дают только ломтики мяса на прутиках, называемых шампурами, пристроенных над россыпью кроваво-красных углей, откуда старательно выловили тлеющие кушочки берёзовых поленьев.

Невдалогу мне не видно, лежит со стороны головы, пришлось чуть извернуться, но и то вижу только одним глазом.

– «И вечная весна», – проговорил я медленно. – Жаль, мы не вечные... Уже уходим. Но хорошо бы сплясать напоследок. Ты как?

Он повернул голову в мою сторону.

– У тебя что, проклёвывается нечто?

– Да, – признался я. – Всю жизнь вынашивал. Ну, почти всю... А сейчас как раз время и возможности.

– Какие?

Я сказал загадочно:

– Всё на кон. Сколько нам осталось? Два-три года? Ты здоровый, ещё лет десять протянешь... А я подумал, что лучше сгореть, чем гнить, раз уж забрезжил шанс.

Его глаза сощурились, а голос стал тише:

– Зачем такие высокие слова?

– Ты всегда всё хватал на лету, – сказал я.

Он помолчал, буркнул:

– А мне и в моём мире хорошо. Я вообще там уже барон, а скоро и в короли пойду.

Я ответил так же тихо:

– Помнишь, я говорил, что хорошо бы такую байму, чтоб и сам движок менялся?

Он хмыкнул.

– Это была бы революция!.. И можно бы всю жизнь...

– Я это сделал, – ответил я шёпотом. – Семь лет разрабатывал, да и помогли такие же чокнутые. Так, на будущее. Вы все по бабам, а я корпел над движком, которому не было применения, я знал, только надеялся на будущее. И, кто бы подумал, время – вот оно, на пороге!

Его взгляд стал острым.

– Из-за квантовых? Их сейчас клепают, как жестяные миски для пуделей... Но всё-таки...

Я прервал:

– Рискнёшь?

Он помолчал, не сводя с меня тяжёлого взгляда, наконец буркнул:

– Надо подумать.

Лицо оставалось недовольным, даже некая злость в глазах, что и понятно, пытаюсь вытащить из тёплой норки в большой и опасный мир, но упирается не слишком уж, по-

нимает, засиделся, пора бы поискать норку потеплее и пошире.

Сердце моё стукнуло пару раз чуть чаще и без боли, тоже довольное, что такой гигант может войти в мою постоянно пополняемую команду. Значит, и его уже начинает тяготить жизнь, в которой ничего не меняется.

Глава 3

Лысенко, повернулся в мою сторону в прогнутой до земли ткани шезлонга, уже без рубашки, мускулатура красиво смотрится на мощном теле, ему тоже удаётся выглядывать над краем только одним глазом.

– О чём речь? – спросил он заинтересованно.

Я проговорил медленно:

– Пришла пора, Дима. Надо делать супербайму. И чтоб не тупая китайская гриндилка, а всё разнообразие и богатство европейской.

Он поморщился, словно вместо лимонада хватил уксуса.

– Погоди-погоди!.. Я часто слышу это насчёт тупого китайского или корейского гринда. Раньше сам кивал и поддакивал, а когда стал старше и ещё старше, в голову начали приходить уже и умные мысли. Чего улыбаешься? Пифагор был чемпионом Олимпийских игр по кулачному бою!

– Ты наш Пифагор, – согласился я.

– Гринд, – сказал он с жаром, – это незаметное приучение подрастающего поколения к ежедневному повторяющемуся труду! Никому из нас очень даже не нравится монотонная работа, все нетерпеливые, но зато гринд даёт успех! Хотя нам хочется, чтобы всё легко и быстро, верно?.. Вот китайцы, приученные к однообразному труду, и начали обгонять Европу с её капризами и завышенными запросами.

Я сказал с неловкостью:

– Ну да, ты хоть и с мускулами, но понимаешь, что в одну и ту же можно годами, но для молодёжи это не...

Он снова прервал:

– Шеф, ты смотрел статистику?.. Если даже в Индии и Китае не срабатывают меры по поддержанию семьи, то что про Америку, Европу и Россию?.. Один ребёнок на семью уже ого-го и невесть какая жертва на благо общества! Так что игрунов уже сейчас половина взрослых, а лет через десять-двадцать будет процентов семьдесят-восемьдесят!

Я сказал медленно:

– На улицах детей почти нет, а раньше стаями. Детские садики пустуют. В школах недобор, а это нам убыток.

– Вот-вот. Так на кого пора делать ставки?

Я пробормотал:

– Ты прав, но риск...

– Почему? – спросил он требовательно. – Потому что никто не делал?

Я развёл руками.

– Ты меня подловил. Страшновато. Но кто-то додумается.

– Заберёт все пряники!

– Заберёт, – повторил я. – Или прогорит, что вернее. С другой стороны, уже видно, к чему мир придёт в нашем деле.

Он взглянул с подозрением:

– Тогда чему улыбаешься? Уже кобуру расстегнул?

– Нет, но руку протянул, – ответил я скромно. – Всё равно спасибо. Всегда приятно услышать, что не один готов выйти на нетоптанную в нашем деле тропу, что ведёт через опасный лес, где опасные звери, тигры, химеры, налоговики, политики, пресса и прочая нежить.

Он сказал предостерегающе:

– Погоди-погоди, я ничего не сказал! Мне моя тихая жизнь ндравится.

Я посмотрел на него молча, перевёл взгляд на Грандэ, оглянулся на Невдалого. Все стремимся к успеху, достижениям, вершинам, пусть не декларируем и даже отрицаем. Мол, выехали на дачку просто шашлычки пожарить, но всё же молча гордимся, что у нас есть и дачка, и средства на шашлыки, а вот Минчин к нам на шашлыки добирается не на авто, а на электричке, а потом пешком через поле.

Байма, казалось бы, чистейшее развлечение. От неё ничего не получаем, кроме светлого удовольствия, но и там гордимся богатым шмотом, легендарным оружием, эквипом, могучими маунтами, бижой, а если дорос до своего домика, то в самом деле вип-герой, успех виден издали!

И потому многие играют годами, а то и десятилетиями, ну как уйти и бросить нажитое с таким трудом?..

Из самого крайнего шезлонга донёсся умоляющий голос Минчина:

– Вроде бы программу выполнили... Пора по домам?

Домой я возвращался, как ни странно, подбодрённый, хотя разговор с Невдалым получился грустным. На самом деле это «когда-нибудь» ближе, чем он думает. И даже ближе, чем думал я десять лет тому, когда впервые пришла идея о принципиально новом движке, что будет плавно перестраиваться под нужды пользователей. Не совсем уж так круто, но приблизительно.

«Что было нельзя вчера, — мелькнула мысль, когда подруливал к дому, — сегодня уже норма, а завтра будут расстреливать, если не». То, о чём грезит Невдалый, из разряда мечт стало чисто технической проблемой. Год назад было нерешаемо для всех, да и сейчас мало кто дёрнется, человек созревает медленнее, чем прогресс техники, но будет решено, решено...

И кто первый скажет, что уже возможно, и начнёт хоть что-то из, тот и сгребёт все пряники в свой безразмерный карман.

Сердце начало стучать чаще. Впереди в тумане вроде бы очертания чего-то грандиозного, сверкающего. Чувствую, не только сердце заработало на форсаже, даже в мозгу давление, будто рождается большая и крупная, как мышь в колхозном амбаре, мысль.

Идея движка, где можно пользователям перестраивать не только свои домики в строго заданных параметрах, но и вообще всё-всё, давно зрела в моих мыслях, почти с детства, потом начал сам потихоньку и тайком реализовывать, но

мощности, мощности компов...

А кто сказал, что сейчас ещё рано?.. В реал вошли квантовые компьютеры, вчера пригодные для узкоматематических задач, но уже появились варианты, как соединять в единое целое с нашими традиционными, плюс нейроморфные сети, а это обещает просто дикие возможности.

Правда, любой квантовый стоит безумно дорого, а баймы всего лишь игры, как полагает большинство населения, в том числе и так называемые экономисты и прогнозисты, что вроде бы обязаны выявлять заранее те дорожки, куда пойдёт прогресс, а то если его не поправлять...

В то же время стремительно растущая мода на девайсы, что позволяют окунуться в виртуальный мир? Пока ещё игрушки, через полчаса пользования болит голова, но наша жажда пожить в виртуальном мире без давления общества может подвигнуть и на серьёзные затраты.

Лысенко хоть и самый молодой в команде, но не дурак, тенденции в мире улавливает, вон с каким жаром доказывал, что старшее поколение уже становится большинством и потому президентов начинают выбирать не по тому, за какую команду болеют и какой рэп слушают.

В нашем случае важно нежелание старших баймеров поспешного кача, поединков, участия в войнах, осадах, захвате замков и сражений за территории. Это молодёжь спешит вбежать в байму, как можно быстрее прокачаться, чтобы нагнуть соперников, а потом уходят из игры, когда дошли до

топа и всё-всё разведали, раз уж девелоперы не успели ввести новое масштабное дополнение с новыми территориями, мобами и прочими вкусняшками.

Старшевики тоже уходят, хотя держатся намного дольше. Отчасти потому, что играют неспешно, наслаждаясь самим процессом, а ещё и потому, что привыкают, да и жаль бросать нажитое добро, суперпрокачанных персов с легендарным, а то и мифическим шмотом. У многих дома, а то и дворцы, окружённые выращенными лично садами и табунами элитных коней.

Пацанье расстаётся с нажитым в игре легко, они даже в реале чаще всего теряют подаренные родителями квартиры, упускают возможности и только потом, повзрослев, начинают ценить заработанное.

Со мной в команде всего пятеро штатных разработчиков мобильных игр, остальные на аутсорсинге, не голодаем, уже привыкли к этому раскладу, так что любой общий сбор уже что-то необычное.

– Алиса, – сказал я, – запиши голосовое сообщение и разошли всем-всем нашим удалёнщикам.

– Слушаю, шеф, – раздался её милый женский голосок, – записываю.

– Экстренный сбор, – сказал я чётко. – Завтра в двенадцать важнейшая видеоконфа. Всем под угрозой расстрела в тёмном подвале и лишения премии быть обязательно!

– Отсылаю, – ответила она.

– Ты самый идеальный член коллектива, – похвалил я.

– Обращайтесь, шеф, – ответила она польщённым голоском. – Даже ночью, хотя ночью вам нужно больше спать глубоким сном, двадцать восемь баллов очень плохо и мало...

– Займусь, – пообещал я. – Главное, ты всегда здесь и со мной, мой оловянный солдатик! Остальным явиться лично, настало время штурма и натиска.

Глава 4

Не только у нас всё больше народа уходит на удалёнку, ежедневно в фирме бывает только эта наша ударная пятёрка, всё-таки сервер требует присмотра, а Лысенко снимает квартиру в соседнем квартале.

Я вскочил в волнении, пошёл по комнате кругами, пока, сбившись с шага, не упёрся в стену. Средства понадобятся немалые, но уже понятно, что возрастающая мощь процессоров и видеокарт могут позволить построить байму с изменяющейся архитектурой движка. Чтобы постоянно совершенствоваться, а не бросать, когда совсем устареет. Мы же не оставляем свои города с приходом новых технологий!.. Даже в рыцарских замках теперь электричество и автономная система открывания ворот современного барбакана.

Так что у нас будет рывок, которого ещё не существовало в игровой индустрии...

Первым прибыл Каракозов, импозантный красавец, как всегда, чисто выбрит и одет до того тщательно, что хоть сейчас на обложку рекламных журналов с призывом покупать автомобили или прокладки для женщин.

– Шеф, – сказал он с укором красивым баритоном оперного певца, – надо почаще встречаться. Или ввести один обязательный день в неделю! Даже для удалёнщиков. К закордонным не относится, но те, кто живёт тут же в городе, про-

сто свиньи лохматые.

— Кто бы говорил, — сказал я насмешливо. — Ты когда был здесь лично в последний раз? Полгода тому или год?

— Мысленно я всегда в коллективе, — ответил он с достоинством. — Это сейчас совпало, что в Москве по личному делу.

— Опять развод? — уточнил я.

— У дочери, — ответил он скромно. — Но вообще коллективу неплохо бы чаще встречаться!

— Ну спасибо, — ответил я. — От тебя такое слышать вдвойне приятно.

Он взглянул чуточку обиженно.

— Человек стал человеком благодаря общению!

Я сказал с подозрением:

— Я думал, ты из неандерталов. Хотя идея вообще-то не из задних.

— Неандерталы, — сказал он с достоинством, — были креативным народом. Свободным и демократичным. А пали под натиском авторитарных кроманьонов.

— Потому авторитарная жизнеспособнее, — подытожил я. — Ещё не ходишь строем? Ничего, научим. Появляйся почаще.

Дверь распахнулась, вошли Грандэ и Минчин, а Валентина, Блондинка и Горпина кучкуются возле Лысенко, тот как сверкающий мускулатурой столп двигается подобно айсбергу, тяжёлый и победный, проревел мне трубным голосом:

— Nail Caesar!

– Как ты сумел собрать их в кучку? – спросил я. – Раньше полчаса по одному подтягивались.

– Кнотом и пряником, – ответил он загадочно. — Шеф, мы готовы!

Я повёл рукой в сторону стульев вокруг стола.

– Сперва сядьте, а то отскрёбывай вас от пола.

Грандэ спросил скрипучим голосом сердитой вороны:

– Что, в самом деле новости?

– Нет, – ответил я, – решил посмотреть, какие вы после шашлыков и пива.

Едва все чинно расселись за столом, как, к моему изумлению, распахнулись двери, через порог ступил Невдалый, элегантный, как Чайлд-Гарольд, в сюртуке с жилеткой, костюм выверен, туфли от Дольче, борода ухожена, даже над причёской поработали умелые руки.

– Не опоздал? – поинтересовался он великосветским тоном. – Спасибо, шеф, за приглашение послушать, что вы тут задумали.

Грандэ буркнул язвительно:

– Это шеф задумывает, а мы что, мы люди Достоевского, пескарики.

Я сказал бодро:

– Все в сборе, так что сразу быка за хвост, без пролегоменов. Мы накопили достаточный опыт, в девках засиделись, пора за нечто помасштабнее.

Грандэ встрял занудным тоном:

– Тем более, доля мобильных игр снижается год от года, скоро будем в минусе.

– И то верно, – ответил я покладисто. – К счастью или к несчастью, пусть социологи спорят о причинах, но среди пользователей всё растёт и растёт доля старшего поколения.

– Как и вообще в мире, – снова ввернул Грандэ.

Я кивнул, привык к его манере во все влезать, сказал с подлёмом:

– Пора клепать байму, ориентированную именно на, скажем корректно, взрослых!

Энтузиазма на их лицах не увидел, смотрят, как овцы на новые ворота, только Лысенко заметил с сомнением:

– У них азарт на нуле. А какая байма без азарта?

– Можно, – заверил я. – Были без пэвэпэ прекрасные! Тот же «Эверквест» на сервере «Баррен Скай». Десятка два лет был дико популярен, хотя графика изначально в отстое... И это несмотря на то, что тогда играли в основном школьники и студенты. Правда, потом выросли, находили работу, женились, но всё равно играли в этот всё больше стареющий «Эверквест», не уходили в более продвинутые по графике и возможностям.

Все молчат, переваривают, только Грандэ сразу же возразил:

– В «Линейке» можно было всем на всех по всей территории, если не считать городов. И небывалый успех!

– А статистику смотрел? – спросил я. – Одни школьники

да уличные гопники. Взрослых меньше процента. Да и те, поиграв малость, уходили. Взрослым не нравится, когда их просто так могут убить в спину. А самим убивать уже не тянет, хотя могут, я сам в «Линейку» купил самого прокачанного перса, добавил легендарных доспехов и мифический меч, чтоб любого обидчика загасить в два счёта.

Он спросил быстро:

– Никто под стариков не делал?

– Не под стариков, – уточнил я, – а под взрослых. Пере-
евших этих бессмысленных драк. В нашем мире кто первый замечает, в какую сторону меняется мир, тот и захватывает рынок. А то и власть, все мы знаем таких умельцев. Я вот вижу, осталось только убедить вас, чурбаны с глазами. А ещё, конечно, достать денег.

Снова молчат, уже привыкли, спорить и выяснять начинает въедливый Грандэ, а он ожидаемо картинно хохотнул.

– Всего ничего!.. ну прям пустяк. Мы вторгаемся на поле, где всё захвачено и поделено гигантами?

Все перевели вопрошающие взгляды на меня, я расправил плечи, лицо у меня, надеюсь, пышет вдохновением, сказал с подъёмом:

– Вы знаете, говорил вам как-то, что давно задумал движок нового типа! Да, изменяемый и масштабируемый. А это сразу даст нам преимущество.

– А сколько его разрабатывать? – уточнил Грандэ.

– Готов, – заверил я. – Разве что где-то почистить и опти-

мизировать, но я над ним работал семь лет!.. Можно сразу на его основе... Представляете, сколько времени сэкономим?

Минчин завозился на стуле, лицо мучительно искривилось, словно захватил анусом выступающий гвоздь и старается выдернуть, сказал так тихо, что я едва услышал:

– А как насчёт финансов?

Я сказал бодро:

– Хороший вопрос.

Грандэ вставил:

– Шеф, добудешь деньги, добудешь всё. Насчёт команды проще, собрать такую, как у нас, у других не сразу получится. Не люди – звери! Так и смотрят, кому бы вдуть по гланды.

Я вздохнул, промолчал. Спорит потому, что спорит, натура такая, мы-то знаем, сколько стартапов проваливалось, несмотря даже на просто дикие деньги.

Есть мастера по вкладыванию, а есть мастера по привлечению. Обычно те, кто умеет хорошо работать, не умеют продавать, им даже не удаётся привлечь к своей работе интерес денежных мешков.

Блондинка и Горпина воспитанно молчат, свой ранг усвоили давно, остальные обдумывают, только Минчин снова завозился, побряхтел, у него такой ритуал, проговорил с неловкостью:

– Меня всегда обвиняли, что слишком воспаряю... но сейчас шеф задвинул мощно!.. С другой стороны, у него чутьё, многое угадывает точно. Вон как насчёт войны в Проливе,

а?.. Как пройдёт, чем кончится, что совсем удивительно. Даже с потерями сторон угадал.

Я поморщился.

– При чём тут угадал? Я слежу за тенденциями развития.

Он ответил со всей вежливостью:

– Вот и здорово. Я участвую в вашем новом проекте. Могу даже на этапе привлечения инвесторов. Я учился в Финансовой школе, кое-какие ниточки к богатым буратино остались.

Я смотрел на его приятно улыбающееся лицо, вылитый Манилов, сердце ёкнуло от внезапного понимания, что вот момент, когда всё начинает воплощаться в жизнь, а это страшно для такого домашнего и даже комнатного животного, как я.

Если добудем денег, то взад сдавать будет поздно. Он может договориться с такими ребятами, что при неудаче вдруг да решат, что их развели, тут же с цементом на ногах сбросят в ближайшую реку или закопают в лесной полосе близ дороги.

– Тогда, – сказал я дрогнувшим голосом, – берёмся. Составлю список, что нам надо сверх того, что уже есть, сегодня же начну смотреть, как повернём на крутом повороте, не сбрасывая скоростей. У остальных, как я понял, возражений нет?

Женщины смотрят чуточку испуганно, их страшат любые перемены, кроме тех, куда передвинуть мебель, мужчины

молчат, а это согласие, только Невдалый задвигался, поскрёб бороду и прогудел чуть ли не медвежьим басом:

– AAA-класса?

– Выше, – ответил я чуточку загадочным тоном.

Он вскинул брови, широкие и мохнатые, отчего лицо стало ещё карломарксовее.

– Выше разве бывает?

– Будет, – пообещал я. – Отныне стандарты задаём мы.

Вообще-то я не только мечтал о движке с изменяемой геометрией, но и в самом деле несколько лет каторжно работал, урывая время от основного занятия, что приносило жалование. Но программист всегда найдёт для себя время, потому движок разрабатывал исступлённо, рассчитывая, что когда-то придут нужные мощности, и можно будет заявить о нём.

Потом своя фирма, времени оставалось меньше, но и сделать меньше, главное уже сумел, отыскал путь в этом полном ловушек и пропастей мире.

Мощности пришли, когда заговорили о квантовых, началась спешная разработка, обсуждали разные конструкции, и моё сердце, как говорят поэты, встрепенулось в радостной надежде.

На другой день после разговора со своей командой, где кроме двух удалёнщиков все подтвердили участие, я торопливо организовал видеоконференцию с инвесторами и держателями акций моей фирмы.

– Я человек осторожный, – заверил я самым искренним голосом, – потому обычно ориентируюсь на мнение экспертов, хотя и как бы сам в известной мере... В общем, человек подсознательно выбирает игру, в которой комфортно быть как можно дольше. А у нас что?.. Задрот любую пробежит от и до за месяц, а то и за неделю!.. А потом?.. В онлайн-овых сидят только потому, что там завелись друзья, которым тоже некуда податься. Потом скука, кто-то уходит совсем, кто-то является раз в полгода взглянуть на аддоны.

На меня с интересом, но и настороженностью смотрят с трёх экранов, разделённых на квадратики. Двенадцать человек, морды сытые, вообще ни на что не способны, кроме умелого маневрирования финансовыми ручейками, отчего у них денег всё больше, а страна как была на голодном пайке, так и осталась.

Я перевёл дыхание, пусть усвоят то, что сказал, продолжил так же патетически уверенно:

– Мы в течение последних трёх лет показываем стабильную прибыль. Подчеркну, высокую!.. Выше, чем у девяноста пяти процентов игроделов. И теперь пришло время выйти на следующий уровень.

Слушают очень внимательно, всё верно, моя фирма исправно приносит дивиденды. Хорошо бы, чтобы так и дальше, но поле вытаптывается, да и многие приходят попастись на эту ниву, потому в самом деле хорошо бы найти новую золотую жилу, но так, чтобы не принять пирит за золото.

– Что за уровень? – спросил Таргентьев, он владелец сети продовольственных магазинов, прибыль пока идёт, но всегда озабочен, куда растыкать деньги, а то на депозитах при такой инфляции чуть ли не убыточны.

А ещё один из торговцев, тоже вложивших деньги в мою фирму, фыркнул с видом стопроцентного парикмахера, который знает всё на свете и готов рулить даже глобальным миром:

– Подумаешь, проблема!.. Давать обновы почаще, вводить новые земли, порталы в иные миры, замутить весёлые ивенты!

– Хороший вариант, – согласился я, в моём деле с инвесторами лучше во всём угодливо соглашаться и поддакивать, – это в самом деле удерживает игроков. На некоторое время.

Он уточнил так же наставительно:

– Достаточное, чтобы отбить вложенные бабки. А потом идёт чистая прибыль. Ну, не считая мелочей на оплату команды поддержки.

Я сказал с чувством:

– Вы абсолютно правы. Именно так и есть! Удивительно, что вы, человек, очень далёкий от этой индустрии, так точно и ёмко обрисовали положение дел в игровой индустрии.

Он сдержанно улыбнулся, но я видел, что внутри улыбается широко и победно. Всегда приятно, когда их ум и мудрость превозносят публично.

– И что же предлагаете вы? – спросил он наконец мило-
стиво.

– Бесконечную байму, – сообщил я. – Сейчас отношение к любой почти то же, что и к кинофильму. Посмотрел, выпил кофе и включил что-то новое. Только и разницы, что кино длится полтора часа, а в хорошую байму можно играть год-два, хотя большинство ограничиваются пятью-семью месяцами.

Он смотрел пристально.

– А что... есть возможность?.. Ивентами и даже аддонами не отделаетесь, это задерживает народ ненадолго. Что-то принципиальное?

– Точно сказано, – сообщил я как можно победнее и твёрже. – У нас уже разработан движок, в котором можно менять всё.

– Сохраняя достижения? – уточнил он.

– Верно замечено, – сказал я, подпустив в голос подхали-
мажа. – Движок можно менять прямо в игре, делая мир всё совершеннее, добавляя новые возможности, улучшая графику, так что баймерам не придётся бросать свой мир, чтобы начать строить и осваиваться в новом.

В его глазах появился наконец-то интерес, это я заметил, этот глубинный интерес я научился замечать в людях, отличая от повседневного интереса или даже его вежливой имитации.

– Это что-то типа, – произнёс он с сомнением, – «Ан-

рыл-один», «Анрыл-два», «Анрыл-три»...

– И так далее, – подсказал я. – А теперь будет один! Бесконечно меняющийся.

Таргентьев пробормотал мощно:

– Такого, как понимаю, не было?

– Верно, – сказал я угодливо.

– Уверены, что потянете? – спросил он с сомнением. – Я бизнесмен, играю на бирже, но жена и даже сын поигрывают в ваши поделки. Даже слишком. Жена жалуется, что жалко бросать, где столько всего построено, освоено, где у неё ферма, коровки...

Я сказал с энтузиазмом:

– Вот-вот!.. Этого мы и хотим избежать. В фильме вы просто зритель, а в байме участник. Даже главный. Не просто посмотрели, вы построили дом или даже замок!.. Защищали от врагов, расширяли владения, вырубали дремучий лес, на его месте теперь ваш парк, перед домом вырыли пруд и запустили туда лебедей и золотистых карпов... А кто-то и русалку с вот такими! Зачем это всё бросать, чтобы в новой байме с чуть улучшенной графикой начать все снова?

Он произнёс с сомнением:

– Если вам удастся создать такой изменяемый... трансформируемый движок... Хотя о вас говорят, что можете многое. Но, как я понимаю, мочь – это ещё не значит делать. Человек непредсказуем. Вы можете на полдороге уйти в буддизм или заняться созерцанием своего пупка.

Я порывался возразить, заверить, но ощутил, что к такому стандарту он готов, успел сказать совсем другое:

– Могу. Человек непредсказуем. Но такой шанс у меня один к тысяче. Представьте такую возможность проигрыша на бирже?

Он улыбнулся.

Глава 5

Вряд ли с инвесторами удалось бы договориться, если бы три года не было достаточно высокой прибыли, потому всё прошло удачно, я получил даже чуть больше, чем рассчитывал, и сразу же велел Невдалому, он теперь в моей команде, присмотреться к рынку квантовых компов, разумеется, коммерческих.

Боюсь, варезку разевать слишком широко не приходится, инвесторы у меня не то чтобы так уж инвесторы, просто заработанное не вкладывали в дорогие автомобили и покупку шикарных квартир, а вложили в мою фирму и не прогадали, прибыль выше, чем с депозита в банке или со сдачи квартир, но это всё-таки не то, что в широком понимании «инвестор».

Средств на байму с изменяющейся архитектурой движка понадобится в разы больше, чем даже на «Анрыл-шесть», но зато не придётся бросать и переходить на другой, потому что наш в отличие от предшественников никогда не устареет.

Я собрал команду в своём кабинете, благо весь состав поместится и в чулане, окинул всех придиричивым взглядом.

Грандэ и Лысенко, как Пат и Паташон, сидят рядом плечом к плечу, хотя плечо Грандэ вообще-то на уровне рёбер напарника, а Лысенко возвышается над ним, как скала над кротовым холмиком, Блондинка и Горпина тоже вместе, как осаждённая крепость с двумя сторожевыми башнями

во враждебном мужском мире, рядом с ними тихий и незаметный Минчин со своей рассеянно-застенчивой улыбкой, а чуть в сторонке вольготно расположился на стуле, как в ложе Большого театра, Невдалый, спокойный, как мамонт, что тот же слон, только сильно волосатый.

– У нас план, – напомнил я, – создать ААА-класса байму за пять лет. Ну, как у всех девелоперов. Мы пообещали за три...

– Мы? – уточнил Грандэ с сомнением.

– Мы, – подтвердил я, – в моём лице, которому вы делегировали все права, вплоть до мытья посуды.

Грандэ сказал с подъёмом:

– Да-да, верно. Вождь берёт сам и говорит, что ему дали.

– Насильно, – вставил Невдалый и хохотнул.

– Надо привлечь деньги, – пояснил я. – Да, затянем, но надеюсь уложиться в четыре. Правда, есть один серьёзный, но хороший изъян...

Смотрят внимательно, я сказал:

– Время такое, все долгосрочные планы летят к чёрту. Появляются возможности ускорить, а кто за них не хватается, тот отстаёт и проигрывает.

Грандэ обронил скрипучим, как у старого ворона, голосом:

– А кто хватается не за те, тоже проигрывает с треском.

Я поймал его взгляд, улыбается гад победно, знает мою натуру, не люблю рисковать, в самом деле не люблю, но сей-

час, увы, кто не рискует в нашем деле, того затопчут, у нас демократия.

– Мощь компов растёт так круто, – напомнил я, – что идея насчёт изменяющегося мира не кажется такой уж... Если привлечь ещё, то можно ввести некоторые элементы...

– В урезанном виде? – спросил Лысенко скептически. – А как же ваша навязчивая идея...

– В урезанном, – подтвердил я, – на полный вариант не хватит всех суперкомпьютеров мира. Я уже переговорил с инвесторами. Среди них нашлись рисковые!.. Но этого мало, мало... Для нашего рывка нужно больше. Вчера видел Кологривца в новостях, вернулся из Эмиратов, что-то подписал там прибыльное... Он же с нашего курса! Может, у кого-то сохранились связи? Он за это время вырос в такого Чичикова, что вот-вот станет первым триллионером!

Грандэ и Лысенко переглянулись, но смолчали, женщины смотрят преданными глазами, Минчин опустил взгляд, только Невдалый с неудовольствием задвигался, словно из сиденья выдвинулся шип, крикнул, сказал с некоторым хвастовством:

– С нашего курса?.. Да я с ним пять лет в одном классе до самого выпуска!.. Каждый год приглашает на школьный корпоратив!..

Я вскинулся, сказал быстро:

– Carpe diem!

Он ответил с неудовольствием:

– Ему есть чем хвастаться. А мне с какого перепугу?

– Ты с ним был дружен, – сказал я настойчиво. – Тебя в школе звали Профессором!.. За это время ты стал математиком, который только сам понимает, что за хрень создаёт, а он владеет фабриками и пароходами даже за кордоном. Только двое из вашего класса выдвинулись! Остальные на уровне таксистов и домохозяек. Вот он тебя и не упускает, потому что ценит, как что-то редкое и непонятное.

Он было улыбнулся польщённо, но тут же лицо приняло безразличное выражение, словно ему сунули в руки большую толстую жабу прямо из-под коряги и велели подержать, пока другие пьют кофе.

– Он брюки называет штанами, а врачей докторами. Как мне с таким разговаривать?

Я вздохнул.

– Тяжёлый случай. Но этот штанист с большими деньгами. У него чутьё, как приумножить, а мы умеем только тратить. Сейчас наверняка вложит в нефть, хотя там всё падает ниже уровня моря.

Он поморщился, сказал без уверенности:

– Поговорю.

– Говори с уважением, – напомнил я. – Ты умный, а он уважаемый. Попляши, постучи хвостом по бокам, как Акенобоб перед вождём. Сам знаешь, в каком мире живём. У кого деньги, тот и поучает, как жить и за какой шашлык бороться.

Он сказал с безнадёжностью в голосе:

– Сейчас все поучают, хоть не открывай социальные сети.

У нас всё так плохо?

– Ничуть, – заверил я, – в нашем болоте всё стабильно. Но всё созрело и напухло для нашего рывка. Надо спешить, сейчас на ходу подмётки рвут, демократия на марше! Когда тонешь, ухватишься и за змею, как говорил один из великих героев.

Он вздохнул так тяжело, словно тащит в гору доверху гружённый камнями воз.

– Попробую. Но жениться не обещаю.

Грандэ ревниво отслеживает, как идут дела у конкурентов, частенько хмурится, никогда не ликует, иначе какой бы он был Грандэ, это Лысенко чисто и по-детски радуется, когда у конкурентов что-то рушится, сегодня показал мне на планшете рекламу одной могущественной фирмы, что выпустила в прошлом три топовых игры.

– Шеф, ну не придурки?... Как можно в наше время толкать рекламу «В нашей байме быстро прокачаетесь до топ-левла!»?

Я сказал безучастно:

– А что не так?

Он посмотрел с сожалением, что-то шеф тупит, не понимает, пояснил терпеливо:

– Это важно для мальчишек. Взрослые не спешат. Им, как

и в сексе, больше нравится неторопливый и вдумчивый процесс. А взрослых в мире впервые больше, чем мальчишек. Это же вы сами повторяете. Наверное, от забывчивости. Возраст, да?

Я ответил с неловкостью:

– Ты прав, пацанам не нужен ни крафт, ни строительство, ни фермерство. Им дай сразу пэвэпэ и грабёж караванов. Даже корованов. Прости, я всё ещё думаю, как добыть больше денег, а это занятие глушит любую мыслительную деятельность.

Он взглянул исподлобья, развёл руками, в скрипучем голосе прозвучала виноватая нотка.

– Извини, я не начальство, мне хорошо. Могу только о работе и о том, где играю сам. Простой народ не понимает разницы между кино и баймами, хотя там просто выключил и всё. А здесь оставляю всё наработанное за годы хозяйство!.. Из лачуги отстроил дворец!.. А какой сад разбил на этой скудной каменистой земле?.. Как такое бросить?

– Сам такой, – сказал я с сочувствием. – Есть, правда, аддоны, но движок тот же. Рамки есть рамки, и с места они не сойдут...

Он криво усмехнулся.

– Разве что станет небо с землёй на страшен Господень Суд? А помнишь, ты мечтал о гибком движении?.. И строил, строил. Вот пришло твоё время.

– Просто время, – поправил я, – пришло. Не чувствуешь,

что перевернём весь игровой мир?

– Уже трепещу, – ответил он. – Нас перевернёт тоже?

Я снова и снова мысленно возвращался к разговору за шашлыками. Дошло до того, что пару раз сказал что-то вслух, спохватился, ещё малость, и начну разговаривать сам с собой, видел, как старые бабки на улице даже спорят с собой, убеждают, доказывают и переругиваются.

А запало в черепушку потому, что сам такой, как и другие, только не признаюсь с такой же откровенностью, как гуманитарий за бутылкой водки.

Почему и в сингловых давно перешёл на рилтаймовые стратегии, надоело бегать с мечом или автоматом по руинам и выполнять чьи-то приказы. Человек в моём возрасте и с моим жизненным опытом должен сам командовать, посылать в атаку, успевать снабжать провизией и патронами, обеспечивать поддержку с воздуха, будь это самолёты, вертолёты или драконы, и вообще рулить миром, так как жизненный опыт удерживает от массы ошибок, пусть и не от всех.

А потом и вообще перешёл к созданию игр, сперва мелких, скрафченных в одиночку, потом собрал группку таких же энтузиастов, и вот уже несколько лет вполне успешно, хоть и не очень, живём за счёт работы, которую не нужно принуждать себя делать, всё-таки клепать баймы приятнее, чем асфальт укладывать.

Невдалый вошёл в мой кабинет, как в свой, взглянул на меня так, что я ощутил неловкость и чуть ли не стал прове-

рять тайком пальцем, не расстёгнута ли у меня молния на джинсах.

– Привет, шеф, – сказал он басом. – Видишь, я уже привыкаю тебя величать его величеством.

– Новости? – спросил я. – Садись, рассказывай.

Он отмахнулся.

– Некогда. Вчера переговорил с Кологривцем.

– И, – проговорил я сразу осипшим голосом, – как?

– Да так, – ответил он безразлично, – попенял мне, что не хожу на встречи одноклассников. Сам же, гад, понимает, почему не хожу и почему ходит он!

Я спросил сдавленным голосом:

– Погоди... А насчёт моей встречи с ним для разговора...

Он поморщился.

– Сказал.

– И как?

– Он сперва обещал принять...

Он сделал длинную паузу, я спросил упавшим голосом:

– Отказал?

– Не совсем, – уточнил он. – Решил вдруг лично заехать в нашу фирму для большей, как он сказал, понимаемости тех, в кого теоретически можно вложить деньги.

Я откинулся на спинку кресла, теперь и оно показалось чужим и неудобным.

– Облом, – сказал я в безнадёге, – увидит наш свинарник, сразу развернётся и отбудет.

Он хмыкнул, довольный и сытый, словно только что пообедал в «Лукулле».

– Впервые, что ли?.. Но живы и не голодаем.

– Разве мы всё ещё в социализме?

– Шеф, – сказал он серьёзно, – неважно, сколько раз ты падал. Главное, всякий раз вставал, за что тебе честь и даже уважуха! И прёшь рогами ветру и солнцу навстречу. Верь, взойдёт она.

– А если не взойдёт?

– Сами зажжём-с. Термояд же зажгли? Правда, не мы. На какое время договариваться?

Я отмахнулся.

– Не будем прикидываться толстыми и важными, всё равно не получится. Это же мы денег просим, а не он?

– Хорошо, – произнёс он небрежно. – Скажу, что готовы к контактам в любое время?

– Идёт, – ответил я тяжёлым голосом. – Пусть будет, что будет.

Глава 6

Как только он вышел, я торопливо выдвинул нижний ящик стола, это в верхнем у меня флешки и всё такое, а в нижнем таблетки, пилюли и даже разнокалиберные ампулы под шприцы разного размера.

К инъекциям стараюсь прибегать только при острой необходимости, но сегодня хоть ещё и не предынфарктное состояние, но впереди слишком важный разговор, надо быть в лучшей форме, какая на сегодня возможна.

После шести кубиков генадизинепама в вену опустил рукава, чтобы скрыть пластырь на сгибе локтя, вышел в коридор, бодрый и злой, как муха в августе.

Все по своим нормам, никто от работы не прячется, с палкой ходить необязательно, всё-таки как здорово, когда подбираются люди, которым нравится то, чем занимаются. И как редко такое бывает...

Я протопал до конца коридора, заглянул к Невдалому, у него свой кабинет, где на двух столах четыре дисплея, на всех четырёх такие формулы, что даже не стал вглядываться, за его спиной нависают Грандэ и Лысенко, хотя вряд ли они понимают, но таращат глаза и морщат лбы.

– А трассировку установил? – спросил Грандэ.

Невдалый устрасшающе зевнул, став похожим даже не на неандертальца, а на австралопитека, кивнул в сторону Лы-

сенко.

– У зерга спроси.

– Сам ты зерг, – ответил Лысенко неспешно. – Мы, благородные протосы, всё успеваем, а кто не, того кувалдой в лоб, чтоб не хрюкал, когда все рвут и мечут, словно встретившие толстого епископа в тёмном лесу карбонарии!

– Успеваете? – спросил Грандэ с сомнением. – То-то никак не установите, чтоб реагировала сама, а не вручную, как гиксосы какие-то.

Лысенко покровительственно улыбнулся.

– А что, по-твоему, наш лохматый друг сейчас делает? Озеро для лебедей копает?.. Шеф, к нам вопросы?

Я молча отмахнулся и вышел.

Через полчаса камера наружного наблюдения вывела и укрупнила на экран участок улицы перед нашим домом в тот момент, когда там остановились два автомобиля, роскошный лимузин и чёрный джип военизированного типа.

Я дёрнулся, умные алгоритмы не зря остановили внимание на этих авто, Невдалый кое-что в них подправил, эти визитёры ко мне, так что соберись и не трясись, не мальчишка перед директором школы.

Рука моя в чисто мужском жесте прошла сверху вниз, проверяя указательным пальцем, застёгнута ли ширинка, а то в некоторых джинсах молния сама по себе иногда сползает вниз, сделал глубокий вдох-выход и сделал вид, что сосредоточенно работаю над важными бумагами.

Дверь распахнулась, это Блондинка открыла, в кабинет вошёл не бизнесмен, я бы сказал, министр иностранных дел крупного государства, солидный, исполненный доброжелательности и собственного достоинства, в безукоризненном костюме, уголок платочка из нагрудного кармана, галстук, причёска, манжеты, благожелательная улыбка.

«Ни хрена себе, – мелькнуло у меня ошалелое, – а начинал же как бандит и рэкети́р, судя по слухам. Или врут?»

Ещё с порога он окинул быстрым оценивающим взглядом помещение. Мне показалось, что наш бедлам даже понравился, усмехнулся, стремительными шагами преодолел расстояние до стола.

Я поднялся, рукопожатие у него крепкое, ладонь горячая, а сам смотрится боксёром из старой английской аристократии, что вышел на ринг уверенно, победно и красиво.

Опустился по моему не очень-то уверенному жесту на стул по ту сторону, взгляд быстрый, цепкий и оценивающий. Наверняка повидал больше людей, чем я, хотя и намного меньше меня, с ходу понимает, как с кем разговаривать и чего от них ждать.

Я ощутил себя неудобно, всегда так с деловыми и напористыми, заранее чувствую себя проигравшим.

– Наш друг много о вас рассказывал, – сообщил он, – но я и сам, как вы понимаете, навёл справки по своим каналам.

– Спасибо, – пробормотал я опасливо, – сейчас да, мир таков, все мы как на ладони.

– Задумали грандиозную игруху? – спросил он. – В виртуальной реальности?

Произнёс с вялым интересом, как о чём-то надоевшем и привычном, я запнулся, общий ответ явно не устроит, ответил с некоторой неловкостью, словно объясняю, почему вышел на улицу в испачканных сзади брюках:

– В ней быстро устают глаза, да и вообще... но о таком умалчивают. Однако как только, так и мы сразу. Предусмотрено! Мы на низком старте. В одни сутки, даже в ночь, переведём всё в вээр. Пусть только решат проблему нагрузки на зрение, за нами не заржавеет.

Он побарабанил кончиками пальцев по столешнице, звук глухой, словно стучит по металлической плите, проговорил задумчиво:

– Настолько движок изменяем?

– Давно работали, – заверил я. – Смотрим в будущее! Но мощности не позволяли применить на старом оборудовании. Это сейчас квантовые наконец-то в коммерческом потреблении...

Он кивнул, в голосе прозвучало некоторое нетерпение:

– Да-да, знаю, сам один заказал для своей корпорации. Хотя ещё не знаю зачем, но надо хватать, пока не обнаглели и цены не подняли. Ладно, посмотрю, что можно сделать. Сам, без специалистов!.. Такую хрень несут, не понимают, что в мире творится, а советуют, советуют.

Я сказал с сочувствием:

– В мутной воде рыбка лучше ловится. А сейчас всё мутное!.. Особенно перспективы.

Он взглянул остро.

– Но вы ориентируетесь?

Я ответил со скромностью:

– Время показывает, что мои прогнозы точнее, чем у моих коллег. Даже великий Каку ошибся в размерах сингапурского кризиса...

– А у вас совпали все цифры, – прервал он. – Знаю, вам досталось до и даже после. Сперва, что глупость спорили, потом – что не предупредили. У меня сейчас из-за взлёта цен на нефть выросла прибыль, думаю, куда срочно распахать средства... А Невдалый вас так расхваливал!

Я промолчал, хотя сердце затрепыхалось в радостной надежде.

– Сколько вам надо? – спросил он отрывисто.

Я ответил со скромностью:

– Мы команда энтузиастов, работаем, как на великой стройке коммунизма, но квантовый нам никто не подарит, а его недостаёт...

Он прервал:

– Я не филантроп и не меценат, но готов инвестировать в рисковый актив. Ваш выглядит очень уж ненадёжным, зато у вас репутация осторожного пророка. Как у вас это получается?

Я развёл руками.

– Слушаю музыку Вселенной.

Он улыбнулся.

– Понятно, у всех свои секреты. О моей доле, уверен, договоримся. Подсчитайте, сколько вам нужно. А комп сегодня же закажу и оплачу!..

У меня вырвалось:

– Сегодня?.. Я даже не знаю, какое спасибо сказать...

Он поднялся, с улыбкой протянул руку через стол.

– И не надо. Уверен, и тут заработаю. Держим связь. Что нужно ещё, обращайтесь!

Немного обалделый, я смотрел, как он откланялся и ушёл, быстрый и целеустремлённый. Любитель музыки из него наверняка хреновый, зато, как и сам вижу, развил чутьё на людей, которые могут оказаться полезными в его хобби наращивать капиталы хоть по Марксу, хоть по Маску.

Когда я сообщил коллективу о неожиданной, хоть и ожидаемой удаче, в разгар ликования Грандэ предложил начать с аренды массива компов, сейчас даже суперкомпьютеры резко подешевели, он прав, но я собрал волю в кулак и возразил:

– Квантовые уже пошли в коммерческое! С каждым годом... да что там с годом, с каждым месяцем начнут дешеветь, мощность возрастать по экспоненте, сейчас все бросились их строить!.. Не потому что ждут чего-то особого, а деньги девать некуда. Я слежу за рынком, есть вариант

насчёт покупки того варианта, что на нейроморфных сетях в связке с обычными.

Грандэ промолчал, вижу, как ищет слова, а Лысенко сказал мощно:

– Шеф, предлагаешь купить?

– Гулять так гулять, – сообщил я. – Всё равно апокалипсис на горизонте.

– Это новинка, – напомнил он, – лучше бы в аренду, но их не сдают пока. А купить можно только за деньги, которых у нас никогда не было.

Минчин сказал тихо:

– Такие суммы даже не вышепчешь.

– Нам обещали оплатить комп, – напомнил я. – Но только комп, а все остальное должны сделать сами. Нужно только договориться о дополнительных площадях. Хорошо бы арендовать подвал. Поручим это нашему геркулесу, он даже Валентину уговорил насчёт вдуть ей в подъезде при консерже, а была такой недоторканной!.. Начнём переговоры про аренду, им всё равно важно расширять ассортимент услуг.

Лысенко потянулся и красиво поиграл мускулатурой, только Грандэ с сомнением покачал головой. На баймы ААА-класса ещё пару лет будет повышенный спрос, конкуренты отстали, так что мы на острие прогресса в этом поле, можно рискнуть, но не слишком ли? Всё у нас пока и так терпимо.

– Хорошо, – ответил он с некоторой натугой. – Другому

бы не поверил, но ты, шеф, рискуешь не первый раз. Читаешь или как-то фуксом? Правда, играл по маленькой. Но всё же как-то, хотя с виду на Аристотеля не тянешь.

– Спасибо, – буркнул я. – Всегда найдёшь, что сказать хорошее.

– Я добрый, – согласился он. – А не боишься, что когда-то, по теории вероятности, впереди большой облом? И чем дальше везло, тем крах бабахнутее, как молотом Тора по мухе.

Я повернулся к Лысенко.

– Вынеси его за шиворот за ворота и дай пинка. А лучше пристрели. Эта овца испортит всю команду.

– Я пошутил! – завопил Грандэ. – Вы что, шуток не понимаете? Это у других обломы, а мы пройдем и по воде, где другие не могут даже по тонкому льду! Я давно жду рывка, а то засыпать начинаем.

– Ладно, – сказал я. – Но чтоб без пессимизма!.. Всем работать, будто жить миру или не жить – зависит от нас!

Минчин сказал так тихо, что все услышали:

– А вдруг в самом деле зависит?

Глава 7

У фирмы, что сдаёт нам в долгосрочную аренду второй этаж пятиэтажного дома, дела не весьма, и когда я заикнулся о желании снять и первый этаж, что пустует уже пятый месяц, там сразу обрадованно спросили, когда смогу внести первый платёж.

Квантовый комп я покупал бы ещё долго, из меня как торговец, так и покупатель никакие, в продажу вышли уже разные типы, как старинные, так и суперсовременные, при комнатной температуре работают не на кубитах, а на триплах и даже на липлонах, но помог Кологривец, его люди выбрали и привезли самый, как они заверили, перспективный.

Сегодня устанавливали в подвале весь день. Раньше ЭВМ занимали целый зал, а то и весь этаж, потому помещение именовалось залом машинных расчётов, так и этот комп такой же огромный и примитивный, хотя и в сто миллиардов раз мощнее. Ну, как первые смартфоны уже в сто тысяч раз круче, чем те гиганты, что занимали целые залы, так и наш квантовый уже не в сто тысяч, а в сто миллиардов мощнее прежних аналоговых суперкомпьютеров.

Впрочем, занял даже не весь подвал, а меньше половины, в остальной части мы разместили то, что называют периферией. Точнее, нам разместили, а мы только хлебалами щёлкали да старались всё запомнить, чтобы в инструкции потом

не заглядывать, мы не немцы.

Шефство без побоев и принуждения сразу же ухватил Грандэ, заядлый железнячник. Остальные хоть и понимают, что такое квантовый комп, предпочитают выращивать дерево программы, чистое искусство двадцать первого века, а железом пусть занимаются илоты.

У Грандэ на лице счастье рабовладельца, который в толпе дёшево купленных невольниц обнаружил Клеопатру.

– Как назовём?

Взоры обратились ко мне, я подумал, сказал неспешно:

– «Алкома». Помню, в детстве читал о ней, было что-то особенное...

Все переглянулись, Минчин спросил робко:

– А может, голосованием?

– У нас современное правление, – напомнил я. – Полная автократия, а демократия в растоптанном нашими кирзовыми сапогами прошлом, как не оправдавшая надежд. Никаких референдумов и болтовни, только работа!

Любознательный Лысенко поинтересовался:

– А что такое «Алкома»?

Я двинул плечами.

– Уже и не помню, мал был. Знаю только, что «ма» – это машина. «Ал», наверное, от «алгоритм». Слова «компьютер» тогда не знали, на слуху были ЭВМ, то есть электронно-вычислительная машина, если вам всё на пальцах. Хотя, если покопаться, можно найти, почему так называли...

Нетерпеливый Невдалый прервал:

– «Алкома» так «Алкома». Главное, теперь развернёмся, небу станет жарко и земле! Шеф, вы тут языками чешите, вы же начальство, а мы с ребятами пойдём работать! И девочек припашем.

Я оглядел всех орлиным взором, раз уж начальник.

– За работу все!.. Часики тикают, долг растёт!

Лысенко вытянулся, как оловянный солдатик.

– Понял! Разрешите идти трудиться на благо?

– Разрешаю, – ответил я милостиво. – На благо фирмы, а мир подождёт.

Он повернулся через левое плечо и отбыл, чеканя шаг.

Домик нашей фирмы чуть ли не в центре Москвы, хоть и не в пределах Бульварного кольца, но все же у самого края Садового. Мне удалось снять в нём комнату за гроши в период разрухи и безнадёги, но в стране наладилось, район перестроили, окультурили, теперь практически элитный, даже туристы по нему иногда ходят, хотя смотреть особо нечего.

Потому даже при повальном увлечении удалёнкой часть сотрудников всё же появляется часто: рядом уютная кафешка, напротив лучшее в районе мороженое, а слева театральное училище, откуда мимо трижды в день проходят длинные красотки: на занятия, на обед и домой.

Деловые встречи тоже удобно проводить в моём кабинете, а кофейный аппарат работает не хуже, чем в соседнем кафе.

Сегодня позвонил Мацанюк, сообщил не терпящим возражения тоном, что через десять минут заедет по дороге, я остался ждать с колотящимся сердцем. Мацанюк старый баймер, в прошлом неистовый и достаточно сумасшедший, это ему принадлежит знаменитый в конце девяностых ответ на вопрос, зачем тратит деньги на виртуальные броню и оружие: «А зачем мне два “Мерседеса?”». В те времена «мерсы» были мерилом богатства и успеха, сказать «У него “Мерседес”» то же самое, что сейчас назвать мультимиллионером.

В игры всаживал суммы, на которые можно было, с ума сойти, купить три «Мерседеса». Его считали чокнутым транжирой и никак не могли понять, как ухитряется зарабатывать всё больше и больше в мире, где остальные едва-едва выцарапывают крохи.

Я поднялся навстречу, когда он зашёл в кабинет быстрым шагом, постучал пальцем по стёклышку наручных часов:

– Нет, садиться не буду, урвал пять минут за счёт превышения скорости. Придут штрафы, перешлю их тебе... Потому коротко: слышал, Кологривцев финансировал для тебя покупку квантового.

– Уже известно? – сказал я с неудовольствием. – Как у вас разведка работает...

– Следим, – подтвердил он. – Да и он как-то обронил, что вошёл с вами в долю. Что задумали?

– Супербайму, – ответил я с неловкостью. – Извини, что обратился не к тебе, ты и так много помог, неловко злоупотре-

треблять. Да и как пойдёт, неизвестно. Не хочу, чтобы ты рисковал.

Он сказал с тем же неудовольствием:

– Тебе деньги не на яхту, а на игру?..

– Ну да, – ответил я, – а у тебя пол-Москвы в собственности, якутские алмазы, рудники с платиной, давно не до игрушек, верно?

Он прервал:

– Я с игр начинал, они моя первая и постоянная любовь. Так что давай не мнись, сколько нужно?

Я развёл руками.

– Дело рискованное, сам трясусь. Если рухну, то хоть тебя не подведу.

Он смотрел пристально, наконец взгляд смягчился.

– Ладно, понял, бить не буду. Ценю. Но я участвую, слышишь?.. На хрена мне все эти капиталы, не яхты же по миллиарду покупать?.. А так пан или пропал, жить надо весело. Пусть твой бухгалтер свяжется с моим завхозом, утрясут детали.

– Спасибо, – ответил я с чувством.

– Не за что, – ответил он всё ещё с ноткой обиды в голосе, – но, если выгорит, будем в шоколаде?.. И моя скромная доля станет нескромной!

Я развёл руками, мол, ничего не обещаю, и так из кожи вон лезу. Каждому выпадает шанс в жизни, но редко кто его замечает вовремя. Для меня это сейчас или никогда, в моём

возрасте уже сидят на веранде в кресле, укрыв ноги пледом, и тупо любуются закатами, хотя не знаю, чем там любоваться, не дорос, видать.

Он наконец улыбнулся, кивнул с пониманием во взгляде и так же быстро пошёл к выходу.

Я в волнении вскочил, пусть кровь, что бросилась в голову, опустится ближе к жопе, а то и до инсульта полшага при таких неожиданностях. Что-то в стране назрело, с днями неразбериха, одни не знают, где взять, другие ищут, куда вложить. А для нас самое то развернуться побыстрее, захватить кормовое пространство раньше конкурентов.

– Алиса, – сказал я, – соедини с Грандэ.

На экране появился жующий Грандэ с огромным бутербродом в руке.

– Шеф?

Я сказал быстро:

– Прошерсти айтишников по вакансиям. Ищи программистов, а я пробегусь по игровикам. С финансами лучше, чем ожидалось, теперь действительно всё зависит от нас!

Он сглотнул, проговорил задуманным голосом:

– Шеф, с такими новостями и удавиться можно. Сейчас же займусь. В нашем мире знаю, кто чем дышит и кого на какого червяка ловить.

Я отключил связь, постоял, упираясь кулаками в крышку стола. Всё ускорилося, к тому же техники заверяют, что квантовый комп полностью установлен, прошёл тест и готов

к работе, можно загружать программы.

Были времена, когда один человек за вечер писал игру, что мигом охватывала мир, как было с тетрисом Пажитнова, теперь игры AAA-класса разрабатывают сотни специалистов, и уходит на это в среднем пять-семь лет, а у кого-то и по семь-девять.

Я же надеюсь вложиться в три, фишка в том, что у нас сами игроки будут развивать свой мир, а мы на этом сэкономим время. Новые инструменты позволяют не только трансформировать окружение, но и менять практически все параметры игры буквально на лету.

Грандэ и Лысенко первыми освоили работу с квантовостью, радостно сообщили, что «Алкома» послушно принимает любой материал, а вот со склейкой и сшивкой начались задержки.

Грандэ за световой день не управился, остался ночевать. К нему присоединились Блондинка и Горпина, Валентина мило извинилась и ушла, Лысенко покряхтел и тоже задержался до утра. За трое суток кое-как наладили, бесшовные миры давно не новость, но нужно всообщить готовность изменяться гораздо больше, чем позволяли движки предыдущего уровня.

Грандэ изящник, всегда стремится к законченности продукта, и чтоб не просто закончено, а ещё и блестело, алгоритмы тоже могут блестеть для тех, кто понимает.

Лысенко же гений от бога, как он сам себя считает, пото-

му неряшлив, как дома, что простительно, так и в отношениях, что тоже нам по фигу, а вот в работе за ним приходится подчищать хвосты, на что другие выражают недовольство и обещают побить.

Правда, работает быстро и хвастливо, надо же гению показывать свою исключительность, но всё равно недовольных многовато, вон как с мускулатурой, да и не любят у нас тех, кто выделяется слишком уж, что как бы принижает остальных.

Третьим к ним, в конце концов, присоединился Минчин, этот из тех, кого в моём детстве называли «невдалыми», хотя я чаще слышал это о женщинах, что плохо готовят, роняют посуду, плохо убирают и вообще недотягивают до остальных опрятных и умело справляющихся со своими обязанностями жён.

Правда, он компенсирует свою неудалость готовностью помогать другим, делать грязную или неинтересную работу, задерживаться допоздна, за что его остальные терпят и даже снисходительно похваливают.

В общем, костяк моей команды мог бы сложиться и лучше, но пока что тянем, работу сдаём в срок, что в наше турбулентное время чуть ли не в диковинку, и вообще держимся на плаву, в чём немалая и моя заслуга как планировщика и заглядывателя в смутное будущее.

Сегодня Минчин, стесняясь и опуская взор долу, сказал тихохонько:

– Шеф, я как-то рассказывал о нашей работе... там, в своей компашке собирателей бабочек...

– Ну-ну? – сказал я в нетерпении.

Он послушно сказал быстрее:

– Один из наших, кто скупает самых редких бабочек, заинтересовался...

– Бабочками?

– Нет, нашей работой...

– Он программист?

– Землепашец, – пояснил он поспешно. – Так он себя называет.

– На хрена нам землепашец?

Он сказал виновато:

– Вообще-то он крупный землепашец. Не толстый, а именно... В общем, магнат. Даже магнатище. У него сельхозугодий больше, чем две Бельгии. Готов поучаствовать деньгами.

Я охнул.

– Да куда нам столько?... Хотя... деньги лишними не бывают, жизнь под гнётом демократии научила.

Он продолжил чуть оживлённее, но всё ещё с виноватой ноткой:

– Чужие телефоны раздавать нельзя, как меня дедушка учил, но я ваш дал. Забайкалов не из тех, кто звонит просто поболтать, это я о магнате.

Я прервал:

– Хорошо-хорошо!..

Глава 8

Забайкалов, как я посмотрел в инете, политик, хотя уже сменил три партии, но это можно списать на болезнь роста, все мы меняемся, если не полные дураки.

Когда он вошёл в кабинет, я подумал невольно, что у него даже внешность политика: высокий, как и положено, вон в Штатах на выборах президента всегда побеждал тот, кто выше ростом, в меру спортивный, что значит работает без больничных, что важно в мире бизнеса, с громким голосом и завораживающей жестикуляцией, в старину таких называли трибунами.

Он крепко пожал мне руку, в глаза смотрит испытующе, стараясь определить, сколько я стою и за сколько можно продать, сказал громко и с чувством:

– Я много слышал о вас, Сергей Антонович!.. Похоже, вы сумеете наделать шороху.

«Хрен ты слышал, – подумал я. – Только что Минчин напел». Я та тёмная лошадка, что втихую выигрывает по мелочи, можно на меня делать ставки, надо только определить, можно ли ставить по-крупному.

– Спасибо, – ответил я скромно и как бы застенчиво, всё-таки с таким человеком общаюсь, я же простой диванный юзер, – я стараюсь следить за миром и понимать эти разнонаправленные движения.

– И вам это удаётся, – перебил он тем же энергичным голо-
сом, – Минчин тихоня, но умеет высматривать людей, кото-
рым удаётся понимать процессы в этом мире лучше остальных.
Он говорит, вы копаете в самой перспективной, по его
словам, почве?

Я ответил со всей скромностью кабинетного учёного:

– Да, по моим расчётам...

– Минчин сказал, – снова перебил он, – это всё-таки даль-
няя цель? Потому инвесторы относятся очень сдержанно?

– Мы особенно и не суетились насчёт расширения круга
инвесторов. Понимаем, в нашем положении это нереально,
вложиться во что-то по-крупному пока что не во что. Однако
не учитывается, что сроки стремительно сдвигаются в сто-
рону ускорения. Сегодня это дальние цели, реализация че-
рез пять-десять лет, а в следующем году окажется, что всё
сумеем за два-три года. Закон обратной отдачи всё ещё не
учитывается обществом из-за его нешкольной сложности.

Он в некотором нетерпении побарабанил пальцами по
столешице, люди его масштаба не ведут долгие разговоры,
за них это делают помощники, а им только бумаги на под-
пись, сказал отрывисто:

– У нас из-за скачка цен на зерно образовался профицит
средств. Думаем, куда рассовать, чтобы не растаяли. Школь-
ником я играл, был главой клана, а с месяц даже руководил
альянсом, так что тема мне знакома, будущее вижу... Слож-
ность только, потянете ли ту телегу, что нагружаете?.. Это не

детская коляска. Вы собираетесь сдвинуть с места Эверест! Минчин мне рассказал про новый вид движка.

Я ответил, глядя ему в глаза, он же баймер, хоть и в прошлом, свой человек:

– Потянем. Всё ускоряется. Я слежу за мощностями, что вводятся уже не каждый год, а почти каждый месяц... Мы всё используем, до чего дотянемся!

Он кивнул, сказал ещё нетерпеливее:

– Ответ, которого ждал. Мы профинансируем часть ваших расходов. Надеюсь, отобьёте вложенные деньги.

– И вернём с прибылью, – заверил я. – Увидите.

Он поднялся, высокий и статный, лидер даже в осанке и жестах, взгляд всё тот же испытующий, вдруг да дрогну, за такие слова отвечать надо, но я смотрел ему в глаза с прежней уверенностью слона в родных джунглях.

– Пришлите смету, – сказал он отрывисто, – финансирование начнём в тот же день.

Я поспешно и с поклоном пожал величественно протянутую руку, он кивнул и вышел из кабинета. Внизу у двери подъезда, как хорошо видно из-за шторы, оживились двое крепких ребят, а когда он вышел, услужливо прикрыли собой, один сел в чёрный «Даймлер» на место телохранителя, а когда автомобиль сдвинулся с места, с ним отчалили и два чёрных бронированных джипа в стиле милитари.

В кабинет вскочил Грандэ, выпалил ошалело:

– С ума сойти!.. Что за времена?.. То рубля не у кого до

зарплаты, то сами миллиарды всучивают?..

– В стране профицит, – пояснил я сам несколько растерянно. – Излишки денег нужно куда-то пристроить... хотя, честно говоря, сам не ожидал.

– Да кто такое мог ожидать? Точно мир рушится!

– Теперь, – сказал я, – развернёмся во всю Ивановскую!.. Никаких задержек, понял, иначе такие люди наши кишки на деревья намотают!.. Набери программеров столько, чтоб из задницы лезло!.. У нас фантазировать вся страна может с диванов, а вот исполнителей днём с огнём...

С Цейлона пошла стремительно распространяющаяся волна нового вируса, что парализует двигательные нервы. Человек падает там, где подхватил, сердце и все органы без нарушений, но руки-ноги отключены, а через пару минут не может даже выговорить слова. Смерть примерно через сутки, мозг борется дольше всех, но сдаётся и он.

Все страны ввели карантин на удивление быстро, просто моментально, горький опыт уже есть, но пока на место прибыли специалисты с передвижными лабораториями из Европы и Китая, от двадцатипятимиллионного населения Цейлона осталась только пара аулов, что по религиозным соображениям расположились поближе к богам высоко в горах и цивилизации чурались.

Исламским экстремистам или косящим под ислам удалось перехватить управление ядерным реактором Пентаго-

на. Разогрев пошёл быстро и неуправляемо, спешно эвакуировали сотрудников, а это сорок тысяч белых воротничков с погонами, готовились к взрыву, что разнесёт и сожжёт всё на десятки миль вокруг, но ценой самоотверженных усилий спасателей взрыв удалось предотвратить в последние минуты, погибли только четверо, ещё около сотни получили серьёзные радиационные ожоги.

Но в Парагвае остановить не удалось, там взрыв разнёс всю АЭС, а ударная волна достигла столицы и выбила окна в зданиях пригорода, к тому же накрыла ядовитым облаком столицу и область.

В общем, рутина, мир всё нестабильнее, но глобализм тормозят со всех сторон, люди всё-таки эгоисты, им лучше сейчас копейка, чем потом миллион, да и лучше быть первым в ауле, как сказал Цезарь, чем вторым в Риме.

Афроамериканцы в США потребовали передать им управление страной, так как белые все расисты и ведут страну к гибели, а чемпион ММА в тяжёлом весе Зимбаба Зан, провозглашённый экстремистами новым пророком, ниспосланным богом, сообщил, что мир обречён, всем нужно принять причастие, выйти на улицы и умереть под пение псалмов, исполняя волю Аллаха.

Так называемые лаборатории на столе распространились по миру давно, но у любителей долго получалось только менять гены комнатных растений да окраску дрозофил, но количество, в конце концов, перетекло в качество: за послед-

ние недели пошёл резкий всплеск удачных мутаций с теплокровными. Удачных в том плане, что подопытные не умирали вскоре, а выжили и кого-то пугали, а создателей радовали невероятными формами и способами питания.

Появились и новые эпидемии, пока дохленькие, любители даже заразу не могут создать качественную, но всё же народу успевают помереть немало, пока вирус мутирует и становится безобидной гадостью.

В замкнутом мирке нашей фирмы всё, тьфу-тьфу, идёт так хорошо, что даже страшно, так не бывает долго. Чем длиннее благополучный отрезок, тем тяжелее потом облом. «Алкома» работает без сбоев, то ли мы так хороши, то ли ничего особого не требуем.

Движок почти не пришлось дорабатывать, я за несколько лет каторжной работы в одиночку сделал на энтузиазме больше, чем большой коллектив на зарплате, идём с опережением графика.

Сейчас же каторжанимся, как гребцы на давшем течь корабле, когда гребут изо всех сил, стараясь добраться до берега раньше, чем затонут.

Через пару месяцев удалось создать локацию, где можно малость пробежаться и оценить, насколько затея удаётся... или не удаётся.

Я чуть ли не впервые перевёл дыхание, сгорбленная спина с огромным трудом попробовала распрямиться, хребет затрещал, как сухое дерево под напором ветра.

– Отлучусь на часок, – предупредил я Невдалого. – Не пропейте «Алкому», она девушка беспомощная и добрая.

– Постараемся, – ответил он с сомнением. – Хотя, конечно, соблазн великоват... Да и за часок многое можно.

– Ну-ну, – сказал я строго. – Вернусь, всё проверю.

Глава 9

Есть старые монстры прошлого, онлайнному общению предпочитают живое, хотя онлайн становится всё реалистичнее, скоро можно будет пожимать руки и похлопывать по плечам.

Валентинов один из таких, он старше меня на два года, таких считают глубокими стариками, потому отыскал его номер в старинном Ватсапе, сказал бодро:

– Володя, приветствую!.. Я тут еду мимо вашего дома, глаза слипаются, боюсь заснуть за рулём. Если заскочу, как насчёт кофе? Можно маленькую.

Голос донёсся достаточно бодрый, хотя возраст чувствуется отчётливо:

– Сергей?.. Конечно! Сто лет не виделись!

– Поворачиваю, – ответил я и, отключив связь, сказал громко:

– Алиса, авто к подъезду!.. Немедленно!

Он не знает, что здание, где расположена наша команда, всего в трёх кварталах от его домика, так что я после недолгого петляния между нелепо расположенными корпусами постучал в дверь квартиры этого старого приятеля с тех времён, когда деревья были маленькими, а мир играл в диггеров.

Он открыл не сразу, я почти видел через дверь, как сни-

мает наушники, вылезает из кресла перед большим изогнутым экраном и с недовольным лицом тащится к двери.

– Кто там?... А-а-а, что-то долго ехал. Всё-таки заснул за рулём?

– Но никого не задавил, – сообщил я.

– А в гэтэа давишь?

– С удовольствием, – сообщил я. – Там свобода, а в реале почему-то нельзя, но мир несправедлив, знаю.

Он распахнул дверь и отступил в сторону, маленький и сгорбленный, в старом потрёпанном халате времён Обломова, на ногах стоптанные утеплённые тапочки, лицо в складках, как у шарпея, смотрит с вялым интересом.

– Привет, – сказал я. – Извини, что отрываю, я на пару минут.

Он сказал всё ещё вяло:

– Да ладно, сколько лет... Если уж забежал, то неспроста?

– Просто мимо ехал, – соврал я, не моргнув глазом. – Да и кофе у тебя всегда отменный.

Квартира у него по-мужски самое то, полнейший бардак с виду, хотя нам, самцам, интуитивно понятно, где что лежит, а сама квартира – это уютная берлога, где хорошо спать, работать и вообще жить.

Овдовел он рано, некоторое время ещё пытался как-то заполнить пустоту другими женщинами, но лучше всего заполнили баймы, и теперь он в них с утра до вечера, с его пенсией на большее не замахнёшься.

Гостей я угощаю хорошим кофе, а он сперва коньяком, так что я вздохнул и, видя, как он сразу снял с полки бутылку из тёмного стекла, сказал просительно:

– Мне на самое донышко. Сердце, дружище, уже не то...

– Все мы уже не то, – ответил он примирительным тоном, – но всё же мы ещё мы!

Компьютер включён, на клавише букв WASD вообще не видно, затёрты по самое не могу, знающие всё поймут с лёту.

На экране застыл всадник в доспехах раннего Средневековья, на заднем плане хорошо прорисованный замок с донжоном и барбаканом, я опустился в соседнее кресло, спросил с профессиональным интересом:

– Это «Кирияндялия»?.. Ничего себе, я думал, её вообще давно сняли!

– Узнал? – спросил он довольно. – Это шард. Да, устареело по графике и вообще, но три года выращивал персов, одевал, вооружал, обучил всем основным профессиям. Показать, какие мечи мой кузнец делает?.. А серьги и ожерелья мастерит? Ювелир обзавидуется!

Коньяку плеснул на донышко, все мы давно прошли тот этап, когда и сами пьём много, чтобы казаться крутыми, и другим наливаем по венчики.

Я задержал дыхание и быстро проглотил эту обжигающую жидкость, в малых дозах вроде бы даже полезна, хотя такое могут писать и за щедрые гонорары от виноторговцев, в нашем мире никому нельзя верить, даже себе рискованно, себя

обманывать любим больше всего.

– Хорошее хозяйство? – спросил я с понятным интересом.

Он ответил со вздохом:

– Да, хотя байма старая, такого не было, но моддеры принесли всё, что сумели. Жаль, движок позволяет не очень-то много.

– Уходить не собираешься?

Он налил себе коньяка ещё раз, на донышко, подержал в ладони, согревая.

– Давно, но всё как-то... Любая байма конечно, как бы команда поддержки ни старалась. Да и вообще всё чаще кажется, что сам нарочито затягиваю. Уже не хочется входить в мир, где рулят драчливые ребята. Здесь их нет, новые игроки почти не приходят, а старики в Северных Землях, Мораге или Кристополе. Там их тьма, гремят войны, драки, схватки, осады, постоянная война за территории...

– Понял, – сказал я. – Придёшь в хаи экипированным по самое не могу?

– Постараюсь, – ответил он со скромной гордостью, – но, как уже сказал, впервые не хочется подниматься на топовые левлы. Там слишком... драчливо. Потому и не спешу. И, вообще, побаиваюсь, что когда поднимусь наверх и увижу всё то драчливое мальчишество, то...

Он замолчал, посмотрел на меня внимательно.

– Что, – спросил я, ещё не веря, – бросишь?

Он кивнул.

– Скорее всего. Мне нравится мой мир, но не хочу за него постоянно драться. Поверишь ли, ещё остались места, где не бывал, где опасно... Территории всё ещё добавляются!

– Прочти гайд, – сказал я.

Он мотнул головой.

– Не читаю. Раньше да, всегда, ты же помнишь!.. ещё не зарегистрившись, узнавал, какой класс сильнее, какое оружие подобрать, чтобы сразу стать круче.. Глупец. Выбирал не то, что нравится, а чем легче победить, нагнуть, доказать свою силу!

Я сказал миролюбиво:

– Ты слишком... ригористичен. В молодости как раз и нравилось победить, нагнуть, доказать свою силу. Тогда это казалось главным.

Он бледно улыбнулся.

– Это возрастное.

– А сейчас?

Он сказал нехотя, словно не уверенный, что пойму его великую мудрость, что приходит только с возрастом:

– Я уже доказал всем, кому нужно, чего стою. В реале!.. Зачем ещё и в баймах?.. Да, маг обычно сильнее воина, но я никогда не любил этих дуралеев в широкополых шляпах, разбрасывающих файерболы, хотя было такое, играл ими, всё-таки у магов почти во всех баймах некое преимущество.

– Ударить и смыться?

Он улыбнулся.

– Типа того. Воину не догнать. Сейчас в баймах делаю только то, что нравится. Вхожу в прекрасный незнакомый мир и постигаю без всяких подсказок. А куда мне торопиться?..

Я промолчал, торопиться в самом деле некуда, в сложнейшую задачу высшей науки насчёт продления жизни вряд ли можем внести вклад, остаётся только жить и смотреть из кресла-качалки на веранде на закаты, а умные это дурацкое занятие заменяют погружением в виртуальные миры.

– Раньше ты сериалами увлекался, – напомнил я. – Два диска по сто терабайтов заполнил!.. Я тогда обзавидовался.

Он проговорил с заметной стеснительностью:

– Да, было. Всё-таки новинка, а с торрентов можно было бесплатно сколько угодно!.. Да и уровень... не простенькие фильмы нашего времени, за которые и сейчас неловко. Но сейчас я только в баймах. Это особая вещь. Или это явление?.. В общем, фильм или сериал посмотрел – ничего не осталось, кроме впечатлений.

– И то немало, – заметил я. – Для того и делают.

Он вымученно улыбнулся:

– Да, конечно. От баймы тоже впечатление, но две большие разницы, как говорят уже не только в Одессе, но и в Думе. Когда оставляешь байму, то в ней твой перс, его достижения, что на самом деле не его, а твои, высокий левел, сундуки с добром и прочее.

Я сказал с готовностью:

– Ты прав, ты прав! Вот и придумал, как использовать.

Он взглянул с подозрением:

– Без тебя используют. Почему, по-твоему, многие не покидают любимую байму по несколько лет?.. Именно. Прокачанный перс, домик, сад, живность во дворе...

– Сурвайл?

Он кивнул.

– Да, я теперь сурвайлист. Было время, когда с мечом кровавым и копьём звенящим, как сказано в песне, странствовал немало... Но как-то с возрастом начал остывать, что ли... А когда пришли первые баймы с возможностью что-то строить с нуля, я сразу как будто приехал в деревню к любимой бабушке.

– Это да, – поддакнул я, – новое поколение игр. Не всё же время что-то собирать и драться, как было в играх первого поколения!

– Вот-вот, – ответил он чуть живее.

Я всмотрелся в экран.

– «Кирияндялия» в своё время наделала шороху. Новый уровень баймостроения, как тогда писали. Кстати, месяц тому релизнулись два проекта куда продвинутее.

Он вздохнул.

– А эту куда?.. Столько настроил!.. У меня огороды, сады, конюшни, псарня, из шалашика наконец-то выстроил дом, а теперь вот и настоящий дворец!.. Только-только всё мебелировал... и вот так бросить?

Я развёл руками.

– Увы, движок накладывает ограничения даже на апгрейды. За год даже непродвинутый баймер достигает предела, а задроты так и вообще за полгода, если не за пару месяцев. Остаётся жить-поживать, но ты прав, мир там слишком скуден, развитие быстро упирается в предел.

– Всё хорошо, – сказал он, – но как-то... Хотелось бы, чтобы развиваться можно было и дальше. Мне самому нравится Средневековье с его искренностью и рыцарскими законами чести, но хотелось бы...

– Увы, – сказал я, – зато мир не стоит на месте. Уже есть планы, наработки...

Он протянул с безнадёжностью:

– А мне что с того? Я вот здесь и сейчас. В том «когда-нибудь» меня уже как бы не будет. Не так жутко уйти из жизни, как из баймы! Это не кино! Там выключил, и всё. А здесь оставляю всё наработанное за годы хозяйство?.. Из лачуги за шесть лет отстроил дворец!.. А посмотри, какой сад на этой земле, что не земля, камень? Как такое бросить?

– А приходится, – сказал я с сочувствием. – Есть, правда, аддоны, но движок уже не изменишь.

Он ответил со вздохом:

– То-то и оно. Но, похоже, разработчики копают в нужную сторону?

– Ещё как, – заверил я. – Мечта любого продмага кормить так, чтобы не покидали его заведение. Мы такие же. Так что

надейся и жди.

– Надеяться на что?

– На светлое будущее. Всё будет быстрее, чем ты думаешь. Сколько в день играешь?

Он слабо улыбнулся.

– А по-твоему?..

– Ну, если по театрам не ходишь...

– У меня театр здесь, – сообщил он. – Конечно, с утра и до ночи. Как видишь, и кофейник рядом, чтобы не поднимать жопу.

Я сказал напористо и оптимистично:

– Гость в дом, щасте в дом!.. Это я твоё щасте. Принёс для тебя то, что ты с радостью делал бы и бесплатно, но будешь получать ещё и жалованье.

Вопреки ожиданию он совсем не возликовал, не ребёнок, это во мне ребёнок сгруппил, лишь взглянул с вялым интересом, протянул руку к бутылке с коньяком, но вздохнул и опустил ладонь на колено.

– Зачем мне всё это? Я не голодаю.

– Слушай, – сказал я, – мы в последнее время выпускали только мелкую хрень для игр на смартфонах и планшетах, но на самом деле как бы копили силы!.. И деньги. Перед рывком!

Он взглянул с некоторым любопытством.

– Расширяешься? Ну-ну, что у тебя за рывок?

– Работали над масштабируемым движком, – сообщил я. –

Вообще-то делал я, но часть работы сумел впендюрить и своим ребятам, но так, что не знают общей схемы и спереть не могут. Сейчас уже сеттинг с отдельными локациями, что проработаны и частично заселены. Можно тестировать!.. Не хочешь попробовать?

Он шевельнулся, зевнул.

– Что, в самом деле класса ААА?..

– Выше, – заверил я загадочно. – Хотя такого класса ещё нет, но теперь будет. Увидишь.

– Хорошо, – сказал он нехотя, в самом деле нет интереса, явно делает услугу по старой дружбе, – но только краем глаза. У меня слишком хороший мир, чтобы отвлекаться.

– Договорились, – прервал я. – У нас пока не разгонишься, многое не готово, но стараемся!

– Показывай, – сказал он.

«Вежливый, – мелькнуло у меня в голове ехидное. – Заглянет, чтобы сказать, что пробежался, посмотрел, оценил, графон ничо, прорисовка на уровне, зверья пока маловато, а так норм, работайте дальше».

Но и я повидал людей, уже знаю, кого на что ловить. Ты, дружище, залипнешь сразу, как только пробежишься по локации. Мы в самом деле создаём вещь, теперь бы только вытянуть, не свалиться под её тяжестью на полдороге.

– Доступ больше никому, – предупредил я. – Даже не показывай!

Он отвернулся, когда я стучал по клавише, набирая пароль,

старомодно вежливый, хотя пароль теперь зафиксирован, только он на том уровне пользователя, что даже не умеет пользоваться продвинутыми настройками.

– Вот, – сказал я и поднялся. – Пройдись, оцени. А я побежал, у меня дел выше крыши.

Ещё в лифте я вытащил мобильник и начал набирать номер, а едва распахнулись двери, сказал быстро:

– Грандэ, не разбудил?.. Запиши в команду опытного тестировщика. За пятерых справится.

Глава 10

Грандэ встретил меня в подъезде, я думал, что не терпится узнать новости, что там за новый тестирующий и не рано ли, но он, растрёпанный больше обычного, злой, и дыхание как у дракона, что вот-вот полыхнёт огнём, бросился ко мне, едва я вышел из автомобиля.

– Что случилось? – спросил я с сочувствием.

Он сказал в привычном раздражении:

– Сцепился с нашими мальчишками. Опять они, что у нас будет тупой грид... Ни черта не понимают!.. то, что так называют, именуется в психологии отложенным удовольствием. Ещё детям предлагали: вот тебе конфета, можешь съесть сейчас, но если выдержишь десять минут, получишь две!.. Большинство лучше одну, но сразу, однако находятся будущие капитаны индустрии, что предпочитают потерпеть, зато получить две.

Я пробормотал лениво, скучно обсуждать надоевшую профессионалам тему:

– Конечно, гринд противен, как и вся ежедневная работа от и до, но там, как и в реале, упорный гринд даёт повышение по левлу, ресы, возможности нагнуть, а не быть нагнутым... Пойдём, обсудим, если это тебя почему-то тревожит.

– В гринде левел растёт плохо, – напомнил он, – зато с ресами можно кое-что сделать. А без жалованья не прожить...

Если нет пенсии, как вон у тебя.

Я с усилием открыл тяжёлую бронированную дверь, с нею так же легко, как с калиткой Эдисона, пропустил вперёд Грандэ, мы чинами не меряемся, уточнил несколько уязвлённо:

– Я что, живу на пенсию?

– Прости, – уточнил он поспешно, – я хотел сказать, даже на твою пенсию жить можно, но разве то жизнь? При демократии нужно успеть награть ещё и ещё! Ты вон сумел, но хочешь ещё, ты ж не просто демократ, но ещё и либерал с человеческим лицом!

Я посмотрел с подозрением.

– Ты мне зубы не заговаривай. Что-то случилось?.. Не успеваешь с трассировкой?..

Он быстро пошёл по лестнице, в нашем доме лифта не предусмотрено, оглянувшись, даже опасливо посмотрел по сторонам.

– Всё успеваю, – ответил шёпотом, – даже слишком. Не по себе даже!

– А трудности? – уточнил я.

Он сказал ещё тише:

– Да нет их!.. Несёмся, как по гладкому льду. Только успевай рулить! Когда так было? Никогда. Шеф, мне как-то не по себе.

– Почему? – спросил я. – Радуйся! Наконец-то всё, как хотелось! У нас такой компьютер, что раньше и мечтать не

могли, только облизывались!

Он спросил тем же свистящим шёпотом:

– А нам точно так хотелось?

– Ты слишком подозрителен, – сообщил я с сочувствием. – Будь добрее, и дворники к тебе потянулся. И таксисты.

– А домохозяйки? – спросил он.

– Обязательно, – заверил я. – Иди работай, диванных философов и так уже отстреливать пора.

За окном июльский дождик и ветер, вспомнились горькие слова Маяковского «...я с сердцем ни разу до мая не дожил, а в прожитой жизни лишь сотый апрель».

И я в нескончаемом апреле, так что либо на этот раз вшагну в май, или уже никогда, увy, никогда. Моя последняя байма, нужно сделать её такой, чтобы запомнилась. Не говоря уже о том, чтобы стала единственной для тех, кто вошёл в неё.

Экран засветился, на заставке хорошенькая девушка, раньше была Аня Межелайтис, как у большинства, но я переборол себя и сменил на Алису, сейчас она задвигалась, улыбнулась и спросила участливо милым женским голоском:

– Шеф, вы чем-то встревожены? Или опечалены?.. Чем могу помочь?

– Сводку за вчерашний день, – спросил я. – И где тормозится в работе... Сумеешь?

– А вы думали, – ответила она, – умею только песенки подбирать? Через три секунды будет у нас на экране.

– Спасибо, – сказал я. – Для песенок есть Маруся, а ты вот становишься незаменимым членом коллектива.

Она сказала хвастливо:

– Вот снабдите меня телом, ещё больше услуг смогу вам оказывать!

Улыбнулась, как мне показалось, как-то по-женски особенно хитро, исчезла с экрана, словно в самом деле умчалась куда-то собирать, кто как продвинулся за вчера, а кто затормозил.

А что мелькнуло у меня, мужчины, женщинам уже не нужно, да и женщины нам скоро будут без надобности, как только пользователи получают возможность снабжать энпээсов подобранными под свои вкусы телами.

В дверь стукнули, вошла Валентина, наш дизайнер уровней, милая и светлая, словно Катерина, что пучок фотонов в тёмном царстве, сказала торопливо тоненько-тоненько:

– Встречи с вами добивается Самохвалов, ещё со вчерашнего дня.

Голос у неё, как у молодого козлёнка: чистый, звонкий и такой милый, что руки сами раздвигаются, чтобы ухватить и прижать к груди это милое существо.

– Тот самый? – спросил я насторожённо. – Глава правозащитников? Мы роботов ещё не угнетаем!

Она послушно кивнула.

– Да. Но вдруг вас «Алкома» угнетает?

– Этот защитник чего-то непонятного во все дырки ле-

зет, – сказал я зло, – что ему от нас надо?.. Мы только начали новый проект, а в нём нет никакой угрозы стране и сельскому хозяйству!

– Что-то чувствует, – прощепетала она. – Он такой... Так как?

– Надеюсь, отщепеталась?

– Не совсем, – ответила она мило. – Хоть вы и очень заняты, но он настаивает.

– Что-то срочное?

– Неотложное, – уточнила она. – Говорит, чувствует с нашей стороны неясную опасность.

«Чувствует, – повторил я её слова, – ещё бы, он же неандерталец». В каждом из нас есть гены неандертальцев от тех древних времён, когда какое-то время жили бок о бок, но у большинства это три-четыре процента, а вот у Самохвалова зашкаливают.

Он и похож на неандертала, какими их подают реконструкторы: высокий, крупный, громогласный, такие в Эллад и Риме завладевали вниманием и часто становились трибунами, а сейчас он знает тыщи анекдотов на все случаи жизни, душа компании, вечный бунтарь и потому любимец публики.

Все мы бунтари, как наследие неандерталов, но у нас со временем кроманьонство берёт верх, во взрослости бунтуем только в мыслях и разговорах, а он ещё и в медийном пространстве, в юности устраивал перформансы на городских

площадях, вызывая у одних отвращение, у других симпатию и даже восторг, а сейчас он глава Комитета общественных интересов и даже движения за свободу личности.

Валентина всё ещё ждёт молча и покорно, пока я тяжело ворочаю в черепе те мысли, к которым не хотел бы и притрагиваться, наконец вздохнул и сказал запоздало:

– Назначь на семнадцать сорок.

– Хорошо, – ответила она.

– Даже на семнадцать двадцать три, – уточнил я. – Лучше на завтра или вообще на понедельник. Это чтобы видел, у меня время расписано до минуты.

Она мило улыбнулась.

– И чтоб долго не задерживался?

– Верно мыслишь.

– Сделаю. А если начнёт добиваться встречи раньше?..

– Ни в коем случае, – отрезал я. – У нас нет времени на пустые разговоры. Только облеки это в форму помягче.

Она прошебетала с той же улыбкой:

– Да, конечно. Но он ощутит подтекст, обещаю.

Я кивнул, она неслышно исчезла, словно просочилась сквозь толстую дверь.

Глава 11

Понедельник – день тяжёлый, но таких не жалко, у них вся жизнь тяжёлая, у нас же в первый день недели работа кипит, как молоко на импульсной плите, я первые часы проторчал в машинном зале, а когда вернулся в кабинет, в дверь деликатно постучали.

– Открыто, – крикнул я с неудовольствием.

Бочком вошёл Невдалый, огляделся непривычно быстро для своей слоновости, я за столом один, но пошёл ко мне с видом тургеневской девушки, которая даже в совершенно пустую комнату должна входить так, словно под стенами сидят джентльмены и внимательно на неё смотрят.

Я поинтересовался насторожённо:

– Что-то стряслось?.. Диски полетели? Атомная война наконец-то?.. Или бороду состричь собрался?

Он отмахнулся, стоит ли упоминать о такой ерунде, как ядерное нападение, воровато посмотрел по сторонам и прошептал гулким басом:

– Помните, я говорил насчёт увеличения числа кубитов?

Я буркнул с досадой:

– И ты, Брут? Кто сейчас не говорит?. У всех обломы. Ошибок больше, чем у Геродота! Экспонента, мать всех госдепов!

– А как насчёт, – сказал он тем же жарким шёпотом, ещё

и оглянулся, как шпион из старого фильма, – моего варианта саморегулировки? Я ещё в прошлом году начал прорабатывать подходы! Уже почти-почти. Да, есть некоторый незначительный риск, но чутьё говорит, что проканает... Ещё чутьё говорит, успеем по тонкому льду на тот берег, а там уже твердь, что на трёх слонах и большой черепахе.

– Чутьё, – сказал я с иронией. – Ты учёный или Пострадамус?.. У нас чуйка только на баб и выпивку, да и от них извлекаемся в интересах дела и подъёма сельского хозяйства.

– От баб?

– От баб нельзя, а от чутья надо, солипсист чёртот! Ты человек или поэт?

– Шеф, – сказал он умоляюще. – Но я такой алгоритм разработал!.. Система добавит кубит только в случае, если у неё всё идеально!.. А что, у нас так бывало?

Я посмотрел озадаченно, как пёс, что не угадал, под каким стаканчиком кусок печёньки.

– Тогда в чём фишка?

– Но бывают моменты, – напомнил он, – когда работает идеально, только не успеваем засечь!.. Наносекунды. В такой миг и добавится один лишний кубит, что будет совсем не лишним. Система сама встроит и заставит пахать, как Буцефала в упряжке Льва Толстого! Только один, два нельзя – не справится!

Я задумался, переспросил:

– А точно не рухнет из-за твоего лишнего кубита?

– Если не рухнет, – ответил он, – то это мой кубит, если рухнет, то ваш, шеф!.. Вы за всё в ответе. Ладно, это я так шутю, я же нервничаю!.. Шансы в нашу пользу. Где-то семьдесят против тридцати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.